Владимир Лекский
Эльфийская кровь
книга III
Пророчество Двух Лун

Владимир Ленский

Пророчество Двух Лун

Серия «Эльфийская кровь», книга 3

http://www.fenzin.org
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156707
Пророчество Двух Лун: Эксмо; Домино; М.: СПб.; 2006
ISBN 5-699-18844-4

Аннотация

Раз в четырнадцать лет две луны, что светят над государством, в котором правят потомки короля-человека и эльфийской принцессы, сходятся в опасной близости. Одна из них посвящена рыцарю Ночи и ярче светит в краях, где живут эльфы. Вторая, принадлежащая рыцарю Солнца, любит заглядывать в лица спящим людям. Но тяготеет над лунами проклятие сумерек, и обречены они столкнуться. И тогда прольется кровавый ливень, звезды не удержатся на небе… и все живое умрет.

Содержание

Пролог 4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 13
Глава первая 13
Глава вторая 67
Глава третья 94
Глава четвертая 131
Глава пятая 157
Конец ознакомительного фрагмента. 170

Владимир Ленский
Пророчество Двух Лун

Пролог

Талиессин открыл глаза. За то время, что он спал, лес изменился: деревья стали выше, их стволы отливали яркой медью, а кроны то смыкались, то раздвигались высоко над головой, постоянно изменяя форму синего просвета.

«Небо преследует меня», – подумал Талиессин.

Он лежал на траве, подсунув ладонь под затылок, и рассматривал свою поднятую левую руку. Шевелил пальцами. Его как будто удивляло то обстоятельство, что руки еще подчиняются ему, что он может дышать, смотреть.

Потом ему надоело лежать, и он уселся. В траве осталось примятое гнездо, указывающее место, где принц провел ночь.

Лес, окружающий Талиессина, был огромен – гораздо больше, чем юноша мог себе представить. Деревья стояли на почтительном расстоянии друг от друга. Время от времени под порывом ветра, который ходил между ними, точно доброе чувство или вышколенный лакей, они обменивались вежливыми репликами.

В траве иногда попадались изысканные сучья, упавшие

сверху, или большие камни, поросшие узорным лишайником. Лес не был мертвым, вовсе нет: здесь обитало множество всякого зверья и птиц, но они все же были гостями, в лучшем случае – квартирантами; этот лес не принадлежал ни зверью, ни птицам, он был сам по себе с начала времен, зыбкая и в то же время вполне осязаемая граница между миром людей и миром эльфов, между миром обыденного и миром чудесного.

Талиессин встал, забрался на камень. И сразу увидел еще один. Перешагнуть с камня на камень – это показалось ему забавным, и он сделал шаг. Третий камень явился ему тотчас, затем четвертый, и вдруг лес потемнел, между стволами выступил туман. Или, может быть, это был дым? Лучи солнца, потерянные в лесу, безнадежно плутали среди белых полос этого неожиданного тумана, и Талиессин пошел вслед за ними.

Ему хотелось потеряться здесь: потеряв себя, он мог бы, наверное, избавиться и от боли, что взбешенной кошкой царапала его сердце.

Он вспомнил, как бежал по улицам столицы, как отделался от преследователя – чума на этого Эмери с его неизменно добрыми намерениями! – и как потом, миновав последнюю из шести стен города, Новую, выбрался в густо застроенные домами предместья. Уже начало темнеть, когда дорога пошла под уклон, дома сделались меньше, а сады вокруг зданий – гуще; Талиессин приближался к реке.

Мостовую пошлину здесь не брали. Так распорядилась ее величество правящая королева, мать Талиессина: довольно было и того, что в ярмарочные дни пошлину взимали при входе в город. Незачем раздражать людей двойным побором, полагала она.

А Талиессин считал людей неблагодарными скотами, потому что они не переставали злоумышлять против его матери.

Простонародье ненавидело королей эльфийской династии. Любой неурожай, любую болезнь приписывали порченой крови Эльсион Лакар, а о принце, наследнике трона, говорили, будто он извращенное жалкое существо, не мужчина и не женщина.

Эмери уверял, вслед за своим премудрым дядюшкой Адобекком, что у всякого слуха, даже у такого, который давно укоренен в народе, имеется автор. Не бывает безымянных песен, всегда найдется некто первый, кто спел хотя бы начало куплета.

Адобекк умен и по-своему очень хорош; недаром мать брала его в свою постель. Он и сейчас ее обожает. Талиессин знал, что королева советуется с Адобекком почти во всех случаях, когда требуется принять необратимое решение.

И все же сам Талиессин склонен был верить не Адобекку с его добросердечным племянником, а «народу». Тем, кто открыто называл принца выродком.

Он остановился на камне, пошатался, обретая временное

равновесие, поднес к глазам растопыренные пальцы и сказал:

– Я выродок.

И сделал еще один шаг вперед.

– Ай! – завопило нечто в тумане, и чьи-то сильные руки клещами вцепились в его плечи.

Не удержавшись, оба – принц и невидимка – полетели в траву, причем Талиессин упал на какой-то сук, с треском сломавшийся под тяжестью его тела, а сверху на принца повалился тот, второй.

Несколько мгновений они лежали неподвижно, приходя в себя и собираясь с мыслями. Потом незнакомец поспешно вскочил и протянул Талиессину руку.

– Вставай! Ты не ушибся?

Талиессин поднялся.

– Кажется, порвал одежду. Бок саднит.

– А, – сразу успокоился незнакомец, – ну так это ерунда. Тебя не будут ругать за тряпки?

– Нет, – сказал Талиессин, ничуть не удивившись вопросу. Года три назад он, пожалуй, дал бы утвердительный ответ.

– Есть хочешь? – осведомился неизвестный.

– Да, – сказал Талиессин.

Они устроились рядом на траве. Талиессин с интересом уставился на нового знакомца: очень молодой, со светленькими жиденькими волосами и грустным взором прозрачных глаз, он напоминал безнадежно влюбленного поэта. Из тех

поэтов, что не столько слагают стихи, сколько превращают в печальную поэму собственную жизнь.

– Посмотрим, что тут у нас, – деловито продолжал «поэт», раскладывая на коленях тряпичный сверток.

В тряпице оказалось несколько яблок, смятая половинка хлебной лепешки с тмином и маленькая, но чрезвычайно пухлая колбаска.

– Ух ты! – восхитился «поэт» и обратил взгляд на Талиессина. – Хочешь?

Талиессин молча кивнул и придвинулся чуть ближе.

Несколько минут они ели. Все то время, что длилась трапеза, ни один из двоих не проронил ни слова. По завершении беловолосый юноша свернул тряпицу и сунул ее за пазуху.

– Ты кто? – спросил «поэт» у Талиессина. И быстро предупредил: – Только не ври. У меня от вранья начинают кости ныть.

Он постучал костяшками пальцев себя по коленке.

– Ладно, скажу правду, только ты не поверишь, – согласился принц.

– Да ну? – поразился беловолосый. – Почему это я не поверю?

– Так.

Талиессин вздохнул и посмотрел на небо, которое опять изменилось – поднялось еще выше и сделалось чуть более фиолетовым.

– Ладно, – согласился беловолосый. – Говори. А потом я

скажу. – И фыркнул: – Мы с тобой как две девки в купальне, которые спорят, кто первая снимет нижние юбки. Видал когда-нибудь, как они препираются?

Талиессин вдруг расхохотался. Он смеялся через силу, смех причинял ему страдание, потому что мешал той боли, что считала себя полновластной хозяйкой Талиессиновой души. Но остановить этот смех он не мог.

– Что с тобой? – спросил беловолосый подозрительно.

Принц только покачал головой. Он отер лицо рукой и сказал:

– Хорошо, я первая снимаю юбки. Я – принц Талиессин.

– У! – сказал беловолосый. – А я – беглый крепостной одного болвана из столицы.

– У! – сказал Талиессин. Но получилось у него хуже, чем у беловолосого.

Похожий на поэта парень пошарил у себя за пазухой и извлек маленькую кожаную фляжку. Встряхнул, там мелодично булькнуло.

– Хочешь?

– Крепкое? – осведомился Талиессин.

– Обижаешь, – неопределенно отозвался беловолосый.

– Тогда хочу.

Они сделали по глотку. Содержимое фляжки приятно обожгло рот и согрело живот, так что съеденное сразу почувствовало себя весьма уютно в своем новом прибежище.

– Вот теперь все встало на места, – выразил общее ощу-

щение беловолосый.

Талиессин молча кивнул.

Беловолосый сказал:

– А если взаправду – как тебя зовут?

Талиессин ответил:

– Меня зовут Гайфье.

– А, – протянул беловолосый – А меня Кустер. Продолжим?

– Ладно.

– Ты из столицы, говоришь?

– Да.

– Вот видишь, – обрадовался Кустер, – и я из столицы.

– Хорошего мало, – заметил принц.

– Да уж, – согласился Кустер.

– Как же ты оказался здесь, если ты чей-то там крепостной да еще из столицы?

– Говорят же тебе: сбежал.

– Сбежать не так просто, – сказал Талиессин. – Разве тебя не ищут?

– Не, – улыбнулся Кустер, – они думают, я помер. За меня и неустойку хозяину заплатили как за умершего. А хочешь знать мою цену?

– Зачем?

– Так. – Кустер пожал плечами. – Вот ты, положим, себе цену не знаешь. А я свою знаю.

– Человек не деньгами измеряется, – сказал Талиессин.

– А меня, между прочим, не деньгами и мерили, – обиделся Кустер.

– А чем? – удивился Талиессин.

– Другим человеком… Даже и не человеком! Эльфийская дева обменяла себя на меня. Сама отдала свою судьбу в чужие руки.

– Сама? – Талиессин привстал, воззрился на Кустера с нескрываемым изумлением. – Где же ты ее нашел?

– Так встретил на дороге.

– Она тебя любит?

Кустер помотал головой.

– Ну вот еще! – сердито ответил он. – Если бы она меня любила, стала бы она меняться! Она бы со мной осталась. Нет, мы с ней друзья.

Талиессин потер лицо ладонями. Кустер неожиданно начал его раздражать.

Беловолосый мгновенно почуял перемену настроения собеседника.

– Говорят тебе, мы с ней большие друзья, – настойчиво повторил он. – Мы оба лошадники, понимаешь? Она и я. Это сближает.

– Знаешь, Кустер, я жутко не люблю, когда мне врут, – сказал Талиессин. – У меня от этого вся кожа под одеждой чешется.

– Ты же мне соврал, – возразил Кустер.

– Когда? – Талиессин прищурился.

– Когда назвался принцем.
– А, – сказал Талиессин. – Я так и думал.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ПОЖАР

Глава первая
ТРЕБОВАНИЕ МЕСТИ

Господин Адобекк, главный конюший ее величества и первейший интриган при дворе, взирал на племянника с холодным отвращением, и в глазах господина Адобекка, обычно рассеянных и как бы плавающих взором по поверхности созерцаемого, пылала ярость. И притом ярость его вовсе не была напускной: Ренье понял это по тому простому обстоятельству, что дядя – быть может, впервые в жизни – вызывал у него настоящий ужас.

– Ты позволил принцу уйти? – переспросил он. – Ты оставил его высочество без присмотра?

Ренье переступил с ноги на ногу, потупил голову, как виноватый ребенок.

– Не мог же я все время бежать за ним, – пробормотал он.

Дядя приблизил к племяннику лицо, и Ренье уставился на крупный дядин нос в больших порах. Нос блестел и шевелился.

– Ты должен был бежать за ним, – прошипел Адобекк. –

Постоянно. До конца времен. На край света. Это не так далеко, как тебе кажется.

Ренье испытал глубокую тоску. Как быть теперь? Оправдываться? Он действительно гнался за Талиессином несколько кварталов по улицам столицы. Поначалу Талиессин, ослепнув от ужаса случившегося, не замечал погони, но затем внезапно сделался чрезвычайно осмотрительным и чутким. На углу одного крохотного переулка, как раз под вывеской с изображением блошки, скачущей по замкнутой петле ватрушки (это была кондитерская, и притом недурная), Талиессин резко остановился.

Ренье с разбегу налетел на него.

Принц быстро, молча стиснул руками шею своего придворного. Хватка у юного принца оказалась нешуточная: Ренье едва не задохнулся. Прикосновение пальцев Талиессина было неприятным: шершавые и слишком горячие руки и притом почти физически ощущаемая ненависть.

– Пустите… – прохрипел Ренье.

Талиессин еще раз сдавил его шею и выпустил. Ренье закашлялся. Талиессин с отвращением наблюдал за тем, как его преследователь приходит в себя.

– Убирайся, – сказал Талиессин ровным, обманчиво спокойным тоном. – Ты понял меня? Убирайся. Я хочу быть один.

С этим он повернулся к Ренье спиной и быстро скрылся за углом. Ренье проводил его взглядом, потер шею и поплелся

домой, к дяде Адобекку, – рассказывать о случившемся.

В доме королевского конюшего было тихо, спокойно. Никто еще не знал о несчастье. Никто, кроме. Ренье, вестника беды, и дяди Адобекка.

Слышно было, как в кухне работает дядина стряпуха Домнола: она прикасалась к тщательно вычищенной медной посуде так, словно то была великая святыня, и крошила овощи столь благоговейно, будто воистину вершила обряды в некоем храме.

Прежде, когда Ренье испытывал беспокойство, он всегда заходил в кухню и смотрел на Домнолу. Она представлялась ему оплотом, основанием Правильного Порядка Вещей. И коль скоро Домнола находится на кухне и проводит свои неизменные таинственные ритуалы по превращению груды продуктов в произведения искусства, то и мирозданию в общем и целом ничто не грозит.

Ренье слушал сдержанный стук кухонного ножа, аккуратные шажки, выверенные за годы перемещений по кухне. «Неужто все это сейчас будет разрушено?» – подумал он в страхе.

Выше несколькими этажами приглушенно звучали клавикорды. Старший брат Ренье, Эмери, играл. В последнее время Эмери сочинял какую-то грандиозную симфонию: должно быть, упорядочивал впечатления от своей поездки по королевству. Музыка была для Эмери таким же способом приводить вселенную в порядок, каким служила для Домнолы

ее кропотливая работа по изготовлению супов, изобретению тортов, созданию бифштексов и алхимическому претворению десяти ингредиентов в единый соус.

Об Эмери можно было сказать, что он думал и чувствовал с помощью музыки: музыка являлась частью его естества. Почти наверняка сейчас рядом с Эмери находится Уида женщина, которую он привез из своего путешествия. Его добыча, его трофей. Девушка, предназначенная в жены для принца Талиессина.

Уида не нравилась ни Ренье, ни Адобекку; вряд ли она понравилась бы и принцу, но выбора у Талиессина не было: последний в роду эльфийских королей, он обязан жениться на чистокровной эльфийке и вернуть эльфийское благословение земле королевства.

Много поколений подряд представители эльфийской династии заключали браки с людьми, и кровь их становилась все более человеческой. Для Талиессина надежды на брак по любви не оставалось: недавно родившийся ребенок от его возлюбленной Эйле не имел ни одного эльфийского признака.

Уиде предстояло стать нелюбимой женой, своего рода жертвой династического брака. Талиессин и после свадьбы имел бы право содержать любовницу и открыто пренебрегать супругой; эльфийской же принцессе предстояло томиться в одиночестве все отпущенные ей долгие годы.

И все же она согласилась.

Уида приехала в столицу вместе с Эмери совсем недавно и еще не была представлена при дворе. Талиессин ни разу не видел свою будущую невесту и, разумеется, не испытывал никакого желания ее увидеть.

Для чего ему какая-то неизвестная эльфийская дева? Он уже сделал свой выбор. У Талиессина была Эйле. Простая девушка из деревни, швея при королевском дворе. Веселая и милая, с конопушками на лице и руках. Эйле, которая родила для своего принца сына, мальчика без единой приметы Эльсион Лакар и все-таки ужасно похожего на отца: с причудливо изогнутой верхней губой и диковатыми раскосыми глазами.

Эйле. Теперь она мертва.

– Как все случилось? – спросил Адобекк.

Племянник осторожно зашевелился, огляделся по сторонам, словно в поисках поддержки, поежился. Адобекк ощутил брезгливую жалость по отношению к этому недотепе. И ведь юнец изображал из себя бывалого придворного, столичного жителя… До сих пор у Ренье недурно получалось, следует признать. Вполне недурно. И вот – такая ошибка! А последствия могут быть непоправимыми.

Адобекк любил своих внучатых племянников, обоих: и Эмери, законного сына Оггуль, давно умершей племянницы, и Ренье, ребенка незаконного, чье появление на свет и дальнейшее существование было скрыто от людских глаз.

Считалось, что у Адобекка не два внучатых племянника,

а всего один – по имени Эмери. Братья не без успеха выдавали себя за одного человека: внешне они были похожи, а разница в возрасте между ними составляла меньше года. Те немногие, кто видел их вместе, понимали, насколько они отличаются друг от друга: веселый Ренье, любимец женщин, и мрачноватый Эмери, погруженный в свои грезы сочинитель музыки; но в большинстве своем люди ненаблюдательны и разницу в поведении «Эмери», который представал то серьезным, то легкомысленным, то хмурым и высокомерным, то простым и разудалым, приписывали обыкновенным скачкам настроения.

Игра с двойниками пригодилась Адобекку, когда враги правящей королевы приступили к активным действиям. Герцог Вейенто, потомок старшей ветви древней семьи, основавшей королевство, открыто претендовал на корону. Особенно теперь, когда эльфийская династия готова была иссякнуть.

До трона герцогу оставалось сделать лишь два небольших шага. Требовалось предотвратить любую возможность эльфийского брака для принца, а после устранить самого принца. Так, чтобы после смерти Талиессина не осталось наследника.

Поиски эльфийской невесты представляли немалую опасность: за любыми попытками такого рода бдительно следили люди герцога. Поэтому поисками занимался Эмери – тайно. А Ренье, вполне открыто, жил при дворе, дружил с прин-

цем и выдавал себя за старшего брата. Таким образом миссия Эмери сохранялась в строжайшем секрете.

И вот теперь бегство принца поставило под угрозу будущее всего королевства. Планы, разрабатываемые и осуществляемые годами, могли рухнуть в любое мгновение. Ренье и сам чувствовал себя достойным жалости и отвращения.

– Можно, я сяду? – пробормотал он и тут же плюхнулся, не разбирая, в большое дядино кресло.

Адобекк выразительнейшим образом поднял бровь, однако комментировать этот поступок никак не стал.

– Мы с Эйле искали Талиессина, – сказал Ренье, уныло глядя на свои колени. – В конце концов, я ее лучший друг. Или, точнее выразить, подруга. Талиессин пропадал где-то на окраинах города. Шлялся по кабакам, чудил.

– Ты говоришь о королевской особе, – заметил Адобекк.

Ренье безнадежно махнул рукой.

– Принц действительно шлялся по кабакам, – повторил он. – Эйле не видела его уже несколько дней, и я пошел с ней… Я ведь должен был пойти с ней?

– Не оправдывайся, – сказал Адобекк. – Просто перечисляй события.

– Она первая увидела, как тот человек достал нож.

– Была драка? – осведомился Адобекк.

– Обычная пьяная потасовка. Ничего опасного. Несколько человек выбрались на улицу помахать кулаками. Талиессин был там. Мне кажется, он развлекался. Его даже не узнавали.

– Немудрено – кто бы заподозрил, что принц может находиться в подобном месте, – проворчал Адобекк. И посмотрел на племянника чуть более благосклонно. Точнее, с чуть меньшей неприязнью.

– А тот человек вдруг вытащил нож, – сказал Ренье. – И Эйле заметила это. Дядя, тут у Ренье задрожали и расплылись губы, – она бросилась под нож, сама!

Адобекк подошел к племяннику. Ренье поднял голову. Слезы катились по его лицу. Адобекк провел, царапнув, жесткой от шитья манжетой по щекам молодого человека.

– Будет тебе, не плачь, – вздохнул он. – Девочка поступила правильно.

– Она так любила его! – прошептал Ренье.

– Талиессин достоин любви, – заворчал Адобекк. – Не вижу ничего удивительного.

Он прошелся по комнате, остановился возле узкого окна, посмотрел на маленький клочок улицы, который можно было увидеть отсюда.

– Но самое странное не это, – добавил вдруг Ренье.

Адобекк вздрогнул и резко повернулся.

– Что?

– Они были знакомы. Эйле и тот человек с ножом. Она назвала его по имени.

Адобекк потер виски.

– Слишком много для одного раза. Я должен выпить. Позови Фоллона, пусть принесет мне прохладительного… и по-

крепче.

Фоллон, доверенный слуга, хорошо знал вкусы хозяина. Не задав ни одного вопроса, он подал кувшин и два стакана, после чего степенно удалился.

Ренье не сомневался в том, что Фоллон подслушивал их разговор. Впрочем, Адобекк, кажется, одобрял подобный образ действий: чем больше Фоллон знает, тем точнее будет выполнять хозяйские распоряжения, а рассказывать Фоллону обо всех нюансах происходящего у Адобекка не было ни желания, ни времени.

– Убийца – ваш бывший крепостной человек, дядя, сказал Ренье, когда Адобекк сделал несколько глотков из хрустального стакана. – Его имя Радихена.

Адобекк поперхнулся. Он выронил стакан, тотчас разбившийся с праздничным звоном, и принялся отчаянно кашлять. Изо рта у него пошла пена. Ренье испуганно подскочил к нему, но Адобекк сильным толчком отбросил племянника обратно в кресло. Затем как ни в чем не бывало отер лицо своим кружевным жабо, сорвал его с рубашки и небрежным жестом бросил на пол вслед за разбитым стаканом в лужу пролитого вина.

– Мой бывший крепостной? – переспросил Адобекк. – Почему бывший?

– Вы его продали, дядя.

– А, – сказал Адобекк, – в таком случае какое отношение он имеет ко мне?

– Никакого…

– Тогда меня это не касается. Кому он принадлежит формально?

– Кажется, герцогу Вейенто, – неуверенно произнес Ренье.

– В герцогстве нет крепостных. У Вейенто все свободные, – с неудовольствием проговорил дядя.

– Стало быть, этот человек сам за себя отвечает, – сказал Ренье.

Адобекк согнал племянника с кресла и уселся сам. Отобрал у Ренье стакан, допил вино. Покачал ногой.

– Стало быть, так, – промолвил наконец Адобекк. – Свободный человек для собственного удовольствия зарезал свою бывшую любовницу, которая в последнее время была любовницей принца. Отвечать за это будет он лично, в одиночку, поскольку хозяина у него нет. – И вдруг выкрикнул пронзительно, с тоскливой злобой: – Прелестно!

* * *

Избавившись от Ренье, Талиессин сразу вроде бы успокоился. Пошел медленнее. У него пропало ощущение, будто он бежит от чего-то сломя голову. От чего-то жуткого, что грозит, настигнув, разорвать его в клочья.

Мир находился на прежнем месте, ничто не исчезло: мостовая из пестрых булыжников рябила под ногами; Талиессина окружали доброжелательные дома богатых кварталов с башенками, многоцветные, украшенные по фасадам забавными или патетическими скульптурами, с куполами, похожими на пузыри или шапочки, с ажурными флюгерами…

Талиессин, щурясь, смотрел на них. У него ломило глаза, и вдруг он понял, что стал болезненно остро воспринимать красоту. Краски были чересчур яркими, формы – слишком рельефными. Материальность мира как будто придвинулась вплотную, заняла место абсолюта.

Талиессин неожиданно подумал о том, что так видят мир истинные Эльсион Лакар, эльфы – носители старшей крови. Об Эльсион Лакар говорят, будто они существуют в снах, в мечтах, в призрачном, перетекающем любые границы мире; но теперь Талиессин был уверен в обратном.

Бессмертные Эльсион Лакар помещены в самый эпицентр материального мира, мира вещей, всего, что можно потрогать руками. Создавать себе иллюзии, возводить границы между собой и предметами – реальными предметами, как они есть, занятие для людей. Поэтому людскому зрению мир является затуманенным, как бы подернутым дымкой.

Эльф же видит все обнаженным. Тот строительный материал, из которого создана вселенная, для эльфа очевиден; более того, любой эльф умеет худо-бедно работать с этим материалом – отсюда и впечатление текучести эльфийского

мира.

«На самом деле это вовсе не текучесть – напротив, это сверхреальность, – думал Талиессин. – Для эльфа не было бы нужды красить фасады так ярко; но люди в таком случае не заметили бы и десятой доли цвета…»

Он вытащил из-за пояса кинжал и медленно надрезал себе запястье. Драгоценная эльфийская кровь, пусть и многократно разбавленная человеческой, потекла прямо на мостовую. Завтра, послезавтра, через несколько дней здесь вырастет трава, а на углу, где принц простоял, забыв о своей маленькой ране, несколько минут, несомненно, появится прямо из камней пышный куст.

Талиессин знал, какие чувства вызывает у людей его кровь. Даже у самых близких, у придворных, которые видят его каждый день. Стоит им заметить, как он поранился, в их глазах появляется нескрываемый блеск жадности и любопытства. Ярко-красная, жидкая, эльфийская кровь способна пробуждать в наблюдателе-человеке сильные чувства: от неудержимого сладострастия до столь же неудержимого отвращения.

После рождения сына о Талиессине перестали говорить, что он не мужчина, что он не в состоянии иметь детей, что он вообще «никто», извращенное существо без признаков пола. По крайней мере в столице про это больше не болтали.

Он поднес запястье ко рту, лизнул ранку, и она затянулась. Когда-то давно Талиессин, хилый отпрыск угасающей дина-

стии, видел себя в мечтах грозным эльфийским королем, истинным Эльсион Лакар: чернокожим, с раскосыми зелеными глазами, рослым, яростным.

Он криво усмехнулся. В детстве, когда еще неясно, каким получится из мальчика взрослый мужчина, дозволено грезить подобным образом. Но теперь, когда Талиессин вырос, стало слишком очевидно, что ему не быть таким королем. Он был смуглый, но не черный. В минуты сильного волнения еле заметные золотистые розы проступали на его щеках и тыльной стороне ладоней, на правой ярче, на левой – более тускло. Глаза у принца точно были раскосые; однако напоминал он не грозного воина, а хищного и вороватого зверька, случайно забежавшего в человеческое жилье.

– Эйле, – громко произнес Талиессин.

Имя погибшей женщины повисло в воздухе. Людей в переулке не было, и Талиессин мог слушать отзвук собственного голоса. Ему казалось, что имя Эйле проникло во все миры, сквозь все границы и нигде не встретило отклика. Эйле больше лет.

Он снова повторил, тише: «Эйле». Медленно, нежно имя растворилось в пустоте.

Он остановился, прижался к стене какого-то дома с нарисованными на фасаде листьями и цветами. Перевел дыхание. В иные мгновения потеря казалась ему игрой: некто как будто пугал Талиессина, испытывал его, показывая страшные видения: «А что ты будешь делать, если Эйле умрет…» – и

Талиессин заглядывал в себя и находил там страх, боль, одиночество; но потом ему начинало казаться, что все это происходит понарошку, и страх, и боль, и одиночество принимали гротескные, чрезмерные, неестественные формы, они переставали мучить и начинали вызывать любопытство.

А затем, сквозь игру чувствами, сквозь их неестественность, иглой вонзалась в сознание правда: все происходит на самом деле. Эйле действительно мертва. Мертва во всех мирах, мертва навсегда. Даже Эльсион Лакар не умеют оживлять убитых.

Талиессин остановился, огляделся по сторонам. Обычная жизнь столицы, обычные люди ходят по улицам. Куда от них уйти?

* * *

Услышав шаги стражника возле двери, Радихена даже не пошевелился. Он не испытывал голода, хотя просидел взаперти почти сутки, и за все это время к нему ни разу не приходили.

Его поместили в одной из крепостных башен самой старой из городских стен. Эти помещения теперь не использовали в качестве тюрьмы. О них вообще мало кто знал.

Пояс, которым связали руки Радихене, когда его схватили

на улице прямо над телом Эйле, так и продолжал стягивать запястья пленника. Кисти рук онемели. Он попробовал было освободиться – не для того, чтобы бежать, разумеется, поскольку бежать из глухого помещения без окон было невозможно. Но узел не поддавался, и Радихена оставил все как есть. Он никогда не любил долгой борьбы.

Засов лязгнул и отодвинулся, в душную комнату ворвалась струя свежего воздуха и вслед за нею – запах от горящего факела. Ноздри у пленника дрогнули, он испытал почти животное чувство благодарности по отношению к стражнику, который на миг отворил дверь.

Факел осветил камеру, подвигался. Звучный низкий голос произнес:

– Выходи.

Радихена с трудом поднялся и заковылял к выходу. Чьято рука грубо схватила его за связанные запястья и выволокла наружу, крепко приложив к стене. На мгновение Радихена увидел хмурое лицо стражника, а затем факел снова промелькнул у него перед лицом, и Радихена закрыл глаза.

Стражник потащил его за собой по переходам к лестнице. Радихена спотыкался, но послушно шагал туда, куда его направляли.

Они спустились на несколько пролетов ниже и оказались в подвальном помещении. Стражник сунул факел в гнездо.

Радихена осторожно осмотрелся. Они находились в подвале, слабо освещенном огнем единственного факела. Стены

из крупных булыжников, утоптанный земляной пол с колодцем посередине. Таинственная чернота колодца помаргивала, как будто собиралась сообщить Радихене некий завораживающе-отвратительный секрет.

– Знаешь, что здесь было раньше? – спросил стражник.

Радихена молча перевел взгляд на него. Удивительно красивый голос. Странно, что этот человек служит в охране, а не выступает перед придворными с какими-нибудь героическими романсами.

– Здесь пытали, – сказал стражник. – Давно, при первых королях. Кое-что сохранилось. Смотри.

Он показал на какие-то ржавые клещи, что одиноко болтались на большом крюке.

– Жуткая штука. Мне в первый раз показали, я полночи не спал.

Радихена пожал плечами. Ему было неловко. Все эти орудия пытки явно не имели к нему никакого отношения. Они выглядели безнадежно мертвыми – мертвей тех, кто по их милости давно лежал в могиле.

Другое дело – большая бочка, стоявшая в луже курящейся паром воды.

Стражник разрезал путы на руках пленника.

– Раздевайся, – буркнул он. – Велено привести тебя в приличный вид. Тебя будет допрашивать важное лицо.

Радихена долго растирал запястья, прежде чем решился пошевелить пальцами. Стражник утратил терпение и тем же

ножом вспорол рубаху у пленника на спине. Радихена тотчас пожалел о рубахе: отправляя своего агента на задание, герцог Вейенто распорядился выдать ему одежду из наилучшего полотна, тонкого и отбеленного. Радихена очень любил свою новую одежду.

Кое-как ворочая непослушными руками, Радихена избавился от штанов. Стражник махнул рукой в сторону бочки:

– Иди умойся. Ты воняешь.

Радихена смотрел на этого солдата и видел, что тому совершенно нет дела до пленника: похоже, стражник вообще не был осведомлен о преступлении, за которое его схватили.

Все чувства Радихены молчали. Он даже не знал прежде, как много у него, оказывается, было чувств: в душе постоянно что-то шумело, требовало выхода, изнемогало от желаний, от негодования, порой и от радости – такое ведь тоже случалось. И от всего этого богатства не осталось ровным счетом ничего. Тишина, ни звука: душа онемела и оглохла.

Прежде Радихена воображал, будто его медленно убивают разные важные господа, от которых что-то зависело в жизни. Сначала – отец Эйле, когда он сплавил дочку-рукодельницу в столицу, во дворец. Отправил ее подальше от нежелательного ухажера. И то сказать, какой жених для Эйле из рыжего подпаска, такого чумазого и безбашенного? Никакого жениха из рыжего не получится.

И ведь не получилось! Эйле уехала и навсегда исчезла из жизни Радихены; он даже забыл ее имя.

Второй раз его убили, продав на север, в шахты герцога Вейенто; но тогда уж Радихене все было безразлично. Господа что-то там решили между собой, вот и увезли рыжего в горы.

Но, как выяснилось теперь, даже тогда, после двух смертей, он еще был жив и вел постоянный диалог с собственной душой: душа просила, жаловалась, требовала, а Радихена только злился и отказывал – нет, не время, невозможно…

И только сейчас душа замолчала. Поняла, видать, что и впрямь невозможно.

Невозможно жить. Невозможно быть, оставаться на свете.

– Что? – спросил вдруг Радихена.

Стражник подтолкнул его к бочке.

– Умойся, вот что.

Радихена забрался в бочку. Вода оказалась чересчур горячей, и Радихена молча заплакал: он всегда боялся физической боли, и даже теперь, когда душа его омертвела, тело продолжало страдать и испытывать страх.

Стражник бросил ему мочалку – комок грубых спутанных ниток, пропитанный ароматическим маслом.

– Разотрись. Ты что, никогда в общественных банях не был?

Радихена принялся вяло возить мочалкой под водой.

От горячей воды на бледной коже пленника проступили шрамы и рубцы – все те приметы, по которым его можно было бы найти, если бы он посещал продажных женщин или

общественные бани. Серая краска облезала с рыжих волос, на свет явились медные пряди.

Новая одежда, приготовленная для Радихены, оказалась приметно хуже прежней; и он вдруг до самых печенок ощутил, как начинается его путь назад: от доверенного лица герцога Вейенто – обратно, к пьянице и оборванцу, к негодному крепостному господина Адобекка.

Его доставили в одну из комнат башни, несколькими витками винтовой лестницы выше подвала; здесь имелось окно, и пятна света празднично лежали на каменном полу. Восемь тонких витых колонн, раскрашенных золотыми и синими спиралями, поддерживали низкий потолок, не сводчатый, как в большинстве помещений башни, а плоский. Сразу за колоннами у стены стояли старые клавикорды, на них лежал толстый слой пыли, но тем не менее они придавали всей комнате чрезвычайно обжитой, уютный вид.

Второй стражник ждал в комнате. Радихену втолкнули внутрь и привязали к двум колоннам, растянув его руки крестом. В присутствии клавикордов все это выглядело особенно глупо.

Важный господин вошел спустя несколько минут после того, как пленника надлежащим образом приготовили к разговору. Появлению важного господина предшествовал обильный шелковый шелест, шагов же совершенно не было слышно, их звук скрадывали мягкие туфли.

Однако первым в комнату проник не тот, в шумном оде-

янии, но кто-то другой, закутанный в просторный черный плащ с капюшоном. Складки плаща извивались при каждом движении, отчего безликая тень выглядела зловеще. Она скользнула за колонны и быстро скрылась из виду.

И вошел царедворец – рослый, крепкий. От него так и разило благополучием: здоровым сытым телом, привычкой к власти, к полной свободе. Пышные рукава, собранные в пузыри на локтях и плечах, делали его фигуру еще шире. Огромный лоснящийся нос шевелился на мясистом лице, как хоботок.

Царедворец уселся в кресло напротив привязанного пленника, расставил ноги, натянув длинную тунику на колени.

Он повернул лицо к стражникам и великолепно изогнул левую бровь:

– Выйдите.

Стражники безмолвно удалились, а царедворец впервые за все это время перевел взор на Радихену. Он осмотрел пленника быстро и вместе с тем очень внимательно, и Радихена вдруг понял, что этот человек привык выносить суждения о людях – сходным образом смотрел на проданных крестьян тот человек, что подписывал с ними контракт на двадцатилетний срок отработки в шахтах.

Царедворец спросил:

– Ты грамотен?

В этом вопросе Радихене послышалось глубокое участие, уместное скорее в вопросе: «Ты голоден?» В этот миг Ра-

дихена понял: царедворец, несмотря на все свое внешнее и внутреннее благополучие, действительно разбирается в людях.

И ответил:

– Да.

– А! – отрывисто бросил царедворец. Шевельнулся на кресле, покосился в сторону пыльных клавикордов. – Что читал?

– «Книгу разлук и встреч», – назвал Радихена.

Тоска захлестнула его. В те дни в замке Вейенто, покуда Радихена готовился к заданию, изысканные образы стихотворного любовного романа владели его воображением, руки оставались в праздности, а в груди зрело предчувствие будущего счастья свой дом, жена, покой.

– Хорошо, хорошо, – одобрил царедворец. Он пробежался пальцами по подлокотнику кресла. – Хорошая книга. Я тоже читал.

И встретился с Радихеной глазами.

«Этими глазами он читал ту же самую книгу, – подумал Радихена смятенно. – Он знает про ее героев все – и стало быть, все знает про меня…»

– Хорошо, – повторил царедворец. Пожевал губами. – Как тебя зовут?

– Радихена.

– Видишь ли, Радихена, – заговорил царедворец почти дружески, как обратился бы один грамотный человек к дру-

гому, – у меня есть основания предполагать, что ты приехал в столицу с намерением убить его высочество.

Радихена тускло смотрел на спрашивающего. Из пустоты, из молчания, в которое он погрузился после смерти Эйле, прозвучало «да». Сейчас это «да» ничего не значило и не стоило ни гроша.

* * *

Кустер лежал в траве, положив голову на камень, и рисовал пальцем в воздухе короны. В медном лесу постепенно темнело, и короны получались все более и более яркими. Они повисали в пустом пространстве, между пальцами Кустера и стволами деревьев, и тихо мерцали голубоватым и желтоватым, а после таяли.

Талиессин сидел чуть поодаль, скрестив ноги, и смотрел на плавающие повсюду короны. Они были разные: с тремя разновеликими зубцами, и с множеством мелких зубчиков, и в виде обруча с камнем надо лбом, и в форме диадемы, изогнутой как охотничий лук.

Одна особенно понравилась Талиессину с пятью длинными выгнутыми зубцами, каждый из которых был увенчан камнем; зубцы были голубые, камни – ярко-желтые. Талиессин протянул руку, и корона вплыла ему на запястье. Ее при-

косновение оказалось прохладным, шелковистым. Несколько секунд она медлила на руке Талиессина, а затем растаяла.

– А ты видел короля? – спросил Кустер. От долгого молчания голос его прозвучал хрипло.

– Ты хочешь сказать правящую королеву? – поправил Талиессин.

Кустер приподнялся, опираясь на локоть.

– Нет, я говорю о короле о том короле, который носит в себе все королевство…

– Нет, – сказал Талиессин. – Я не видел такого короля.

– Его зовут Гион, – с благоговейным вздохом проговорил Кустер. Он снова улегся на свой камень и быстро начертил в воздухе профиль, но лицо исчезло почти сразу. – Я видел его. Несколько раз.

Талиессин сдвинул брови. Разумеется, он знал имя короля Гиона того, что был первым в эльфийской династии.

Кустер добавил:

– Он бывает молодым, бывает очень старым, у него пестрое лицо, сквозь которое можно разглядеть города, леса и замки: он их все носит в себе. Я никогда не встречал более красивого человека.

Талиессин долго молчал. В тоне Кустера он слышал убежденность, которая не оставляла сомнений: молодой человек хорошо отдает себе отчет в своих словах. Он не лжет. По крайней мере, верит в собственную правдивость.

Помолчав, Талиессин спросил:

– Как же вышло, что ты смог его увидеть?

– А, – ответил Кустер охотно, – нет ничего проще: я сумел ему присниться.

Наступила ночь – почти мгновенно: последний свет, слабо мерцавший на медной коре деревьев, моргнул и исчез. Еще один день без Эйле закончился.

* * *

Адобекк не сводил с Радихены глаз. Разумеется, господин королевский конюший не испытывал никакой вины из-за случившегося. Хотя наверняка найдутся доброжелатели, которым захочется сделать так, чтобы Адобекк ощущал определенную ответственность за преступление Радихены. Адобекк даже знал, как это будет проделано: сочувственное лицо, дружеская рука, приглушенный голос: «О, это так ужасно, ужасно! Но вы не должны чувствовать себя виноватым. Конечно, этот человек принадлежал вам, но вы ведь не можете отвечать за поступки всех ваших крепостных… Это было бы неестественно. К тому же вы, кажется, его продали? Да-да. Это абсолютно не ваша вина. Даже и не думайте, вас никто не обвиняет. Говорят, этот человек ожесточился? Ну, вы ведь не могли предположить…»

Мысленно воображая себе подобных господ, Адобекк

кривил губы. Нет уж. Радихену он допросит лично и только при одном свидетеле. «Ожесточился»? Многие люди ожесточаются, но не все ведь соглашаются после этого пойти на убийство.

С Радихеной поступили несправедливо? Возможно, и так. Возможно, он счел несправедливостью тот факт, что его продали на шахты. А что, ему нравилось оставаться крестьянином? Очутиться на новом месте, получить возможность начать новую жизнь – далеко не худшая участь. Не собаками же его затравили, этого Радихену, на потеху господ.

Адобекк заранее решил не пренебрегать никакими средствами для того, чтобы заставить Радихену говорить правду. Официального процесса с признанием и публичным вынесением приговора не будет, в этом Адобекк отдавал себе полный отчет. Если на особу королевской крови совершено покушение в центре столицы, то это верный признак роковой слабости королевской власти. Сигнал Для всех недовольных, для зреющего мятежа: пора. Нет Уж. Все произойдет в глубочайшей тайне.

Интересно, догадывается ли об этом сам Радихена? И как много он согласится рассказать, прежде чем придется перейти к угрозам?

Адобекк откашлялся и дружески взглянул в лицо пленника.

– Ты грамотный человек, Радихена, читал хорошие книги. Ты многое должен понимать.

Радихена не шевелился – он не моргал, не дышал. Несомненно, понимал он немало разных вещей, и полезных, и страшных, и сейчас отчаянно старался сообразить, о чем из этого многообразия пойдет речь.

Адобекк устроился удобнее, закинул ногу на ногу, немного утратил фундаментальность, зато приобрел некоторую сердечность. Это должно было расположить пленника к откровенности.

– Кстати, я в любом случае выясню, почему ты собирался убить его высочество, – произнес Адобекк.

– Да, – с легкой горечью промолвил Радихена. – Это ведь для вас самое главное.

Его большой, неопределенно обрисованный рот скособочился. Адобекк насторожился.

– А разве покушение на жизнь наследника – не главное? – удивился он строго.

Радихена развязно ухмыльнулся.

– Нет, – ответил он, как будто забавляясь. – Совершенно не главное.

– Интересно.

Адобекк снова уселся прямо, положил руки на колени ладонями вниз: так выглядело одно из королевских надгробий. Внушительная поза.

– Что же, по-твоему, главное, Радихена?

– Я убил Эйле, вот что я сделал. Понятно вам? – сказал Радихена. И вдруг мелко захихикал.

Его тело, растянутое между колоннами, тряслось и вздрагивало. Адобекк позволил себе поднять бровь.

– Только недоучки опускаются до истерик, – заметил Адобекк, дав пленнику несколько минут для этого странного смеха. И вздохнул с видом полной безнадежности: – Я так о тебе и думал: ты – недоучка. А жаль.

– А мне-то как жаль! – выкрикнул Радихена. – Мне как жаль! Знаете, господин, почему я согласился? Знаете, почему я решился убить принца? – Он перестал дрожать, застыл, и отвратительная слюнявая гримаса замерла на его лице.

– Разумеется, я этого не знаю, – холодным тоном отозвался Адобекк.

– Ради нее, – сказал Радихена. – Ради Эйле. Представляете? Я согласился на все только ради Эйле!

– Любовь поселян на лоне природы очаровательна только в пасторалях, – сказал Адобекк. – В натуральном, так сказать, исполнении она довольно скучна и наполнена банальностями…

Но глаза царедворца сделались чрезвычайно внимательными, а на лице проступило сочувственное выражение: он уловил в словах арестованного нечто важное. Нечто такое, чем можно будет воспользоваться в дальнейшем.

– Она, – повторил Радихена и посмотрел в потолок. – Она, она… Я даже забыл ее имя, представляете? Вы можете представить себе, мой господин, чтобы человек забыл имя возлюбленной?

– Мне доводилось, – сдержанно ответил Адобекк. – Однако для тебя это еще не повод считать себя ровней мне или кому бы то ни было.

– О, я никому не ровня! – горячо согласился Радихена. – Ведь каждый человек что-нибудь из себя да представляет, а я – никто. Меня не существует. Потому я и забыл ее. Я никто, а никто не знает никого. Понимаете?

– Выражайся проще, – поморщился Адобекк. – Поменьше патетики.

Радихена упивался этим разговором. Несмотря на только что высказанное замечание касательно «недоучки», Адобекк то и дело принимался общаться с Радихеной как с равным себе – если не по происхождению, то по образованию: «пастораль», «патетика», «банальности»…

– О том, что случилось, я хочу знать как можно больше, – сказал Адобекк. – Будь точен. Ты ведь не сам по себе решился убить принца, не так ли?

– Нет, мой господин! – ответил Радихена, посмеиваясь. Его опять начала колотить дрожь. – Разумеется, нет. Какое мне дело до принца? Ведь не принц уничтожил мою жизнь.

– Кто же это сделал? – осведомился Адобекк, заранее зная ответ.

– Господин Адобекк, вот кто! – Радихена оскалился, серая прядь волос упала ему на лоб и приклеилась: лоб оказался потным. – Господин Адобекк, королевский конюший, который даже не подозревал о моем существовании.

– Вернемся к покушению на жизнь его высочества. – Адобекк сделал жест почти театральный, с непревзойденным изяществом закрутив во взмахе кисть. – Твоя жизнь сейчас не стоит ни гроша, так что много рассуждать о ней нет никакого смысла.

– Моя жизнь никогда не стоила ни гроша…

Адобекк сказал:

– Радихена, я прикажу тебя пытать. В королевстве очень давно этого не делали, но клянусь тебе всем, что есть на земле отвратительного, я отдам такое распоряжение! Вот тогда ты перестанешь наконец рассуждать на отвлеченные темы и поведаешь о покушении все. Все до последней капельки.

Радихена дернул рукой, но ремни, которыми его привязали, держали крепко.

– Что? – удивился Адобекк. До сих пор пленник держался довольно смирно.

Радихена сказал:

– Не надо.

– Хорошо.

– Герцог Вейенто имеет больше прав на престол, чем принц Талиессин, – сказал Радихена. – Вейенто происходит от старшей ветви…

Адобекк с силой хлопнул ладонью по подлокотнику кресла и вскочил. Лицо его побагровело.

– Как ты смеешь рассуждать о таких вещах!

Радихена замолчал, слизнул капельку пота, скатившуюся

ему на губу.

– Грязный холоп! – орал Адобекк, топоча ногами. – Животное! Я отправлю тебя жрать навоз!

Радихена смотрел на бушующего царедворца кротко, как корова, и шевелил пушистыми светлыми ресницами.

Внезапно Адобекк совершенно успокоился и вновь уселся. Изысканным жестом поправил выбившийся из прически локон.

– Следовательно, друг мой, это высокородный герцог Вейенто попросил вас об услуге, не так ли?

– Да, – сказал Радихена.

– Искусный ход, – похвалил Адобекк. – А волосы покрасить – тоже он придумал?

– Да…

– Отвратительный цвет: рыжий с серым. Нечто пегое. Лошадь такого окраса не приняли бы даже на скотобойне. Но если тебя казнят публично, может ненадолго войти в моду, так что стоило бы поразмыслить над этим тщательнее… Как обставить поинтереснее, то, се… Музыкантов пригласить. Фонтаны, бочки с пивом на перекрестках. Непременно прыжки через костры и лазанье на шест для окраинных кварталов. В принципе казнь всегда большой праздник. В ней заключена определенная избыточность… своего рода расточительство по большому счету… – Адобекк пробормотал все это себе под нос, однако достаточно громко, так что пленник хорошо разобрал каждое слово.

– Ладно. – Адобекк решительно отложил проблему организации казни на потом. – Вернемся к твоему поручению. Вейенто приказал тебе убить Талиессина. – Он поморщился. Звучит отвратительно. По-плебейски откровенно и как-то неизящно, не находишь? Как будто речь идет о каких-то двух мужланах… Но факт остается фактом. И ты, читавший «Книгу разлук и встреч», согласился на подобную низость. Почему?

Радихена судорожно сглотнул.

– Потому что взамен, после исполнения дела, герцог обещал мне свободу, деньги, дом…

– Убив его высочество, ты получил бы наконец возможность жениться на девушке, чье имя забыл? – сочувственно покивал Адобекк. – Понимаю… Странная, должно быть, жизнь у таких, как ты… Я, правда, никогда не пытался представить себя на твоем месте, но иной раз задумывался. Да! Не поверишь, но задумывался. Бывало, посылаешь своих людей в деревню с приказанием вздуть десяток строптивых мужланов, а сам поневоле воображаешь в уме: как там они живут, что за жуть творится в их лохматых головах… А после, как вообразится нечто, так полночи не спишь. Ты, должно быть, понимаешь это куда яснее, чем я.

– Она сама бросилась под нож, – сказал Радихена. – Сама.

Адобекк отметил: убийца описывает смерть девушки теми же словами, что и Ренье. Да, именно все так и происходило. Эйле закрыла собой Талиессина, потому что любила его.

– Она очень любила его, – машинально произнес Адобекк.

Радихена спросил – очень просто, как будто разговаривал сейчас с давним, близким другом:

– Она ведь была счастлива?

– Эйле? – Адобекк сам не заметил, как ответил в том же тоне. – Я не слишком хорошо ее знал. Думаю, да. Она была счастлива.

Радихена закрыл глаза, перевел дыхание. Теперь он выглядел совершенно спокойным.

Адобекк встал, крикнул стражу.

– Отвяжите этого человека и уведите его в прежнюю камеру, распорядился он. Оставьте ему еды и питья, дайте одеяло. Заприте и не открывайте дверь ни под каким предлогом – никому, кроме меня.

И Радихену увели.

Только тогда человек, закутанный в плащ, выбрался из тени. Адобекк тотчас встал, уступая кресло.

Ее величество правящая королева опустилась на сиденье, устало склонила голову к плечу. Адобекк подошел к ней вплотную, осторожно привлек к себе, наклонился, поцеловал волосы. Он ощущал ее дыхание на своих руках, и от этого мурашки врассыпную бежали по его коже.

– Благодарю вас за этот допрос. Я не смогла бы разговаривать с ним, – прошептала она.

– Вам и не нужно, ваше величество, – отозвался Адобекк. – Я сожалею о том, что вы вообще увидели этого че-

ловека.

Она молчала, покусывала губу. Сейчас королева выглядела совсем юной, почти девочкой. Адобекк никогда не уставал любоваться ее переменчивой наружностью. Он не помнил такого дня, чтобы королева выглядела так же, как накануне. Порой перед людьми представала грозная эльфийская владычица, наследница Эльсион Лакар: высокая, смуглая, с ярко очерченными золотыми розами на почти черных щеках. В другой день она являлась мягкой, ласковой, едва ли не розовой. Она бывала задумчивой, трогательной, случалось ей показываться Адобекку встревоженной, постаревшей – в такие дни отчетливо сказывалось преобладание человеческой крови.

Сегодня она выглядела незаслуженно обиженным ребенком: очень бледная, с темными глазами и большим безвольным ртом. Адобекку хотелось взять в ладони милое лицо, поцеловать в лоб, обещать прогулку до кондитерской и знакомство с чудной лошадкой.

– Он так просто говорил об этом, – сказала королева. – «Вейенто хотел, чтобы я убил Талиессина». – Она покачала головой. – Это убийственно. Эта простота – убийственна.

– Пока еще нет, – отозвался Адобекк. – Простите за то, что вынудил вас присутствовать… Но вам следовало посмотреть на него лично. Не слушать мои пересказы, не доверяться моему мнению, а составить собственное.

– Да, – сказала она, выпрямляясь и отстраняя его от се-

бя. – Вы были правы, мой дорогой друг. Мне действительно стоило увидеть все своими глазами, иначе я могла бы принять неверное решение… Однако скажите: что это он говорил о том, что вы сломали его жизнь?

Адобекк заложил руки за спину, стиснул пальцы так, что они хрустнули.

– Вынужден сознаться: когда-то этот человек принадлежал мне.

– Вам?

– Помилуйте, любовь моя! – вскричал Адобекк. – Мне принадлежат сотни крестьян, а я знаю в лицо и по имени хорошо если десяток. Прочие живут где-то там, на лоне окультуренной природы, как им хочется, и я ни во что не вмешиваюсь, покуда они исправно выплачивают подати.

– Исправно? – Королева чуть улыбнулась: она была, кажется, рада тому, что разговор хотя бы на время отошел от судьбы пленника.

– Ну, не вполне исправно, – чуть поморщился Адобекк. – В этом отношении я довольно беспечен. Пока воровство и недоимки не выходят за рамки обычного холопского лукавства, я даже никаких мер не принимаю.

Она улыбнулась, погладила его по плечу.

– Я знаю.

– А этого парня вообще продал не я, а их деревенский староста. Я только утвердил список. Мне было абсолютно безразлично. Я намеревался продать десять человек на север,

потому что срочно потребовались деньги. Получив распоряжение, староста выполнил его, вот и все. Обычно для такой цели отбирают либо бесполезных членов общества, либо холостяков, которые не знают, куда приложить лишние силы. Откуда я знал, что этот Радихена влюблен и страдает? Мне вообще практически ничего не известно о способности мужланов на страстную любовь. Я всегда полагал, что эта болезнь поражает лишь аристократов – нечто вроде подагры.

Королева покусала губу.

– Не оправдывайтесь, милый. Нам достаточно знать, что мой дорогой брат герцог нашел озлобленного человека, обласкал его и превратил в свое орудие.

– У вашего величества уже есть предположения касательно его будущей судьбы? – осведомился Адобекк не без осторожности.

– Возможно… Но сперва я хотела бы выслушать ваши соображения.

– Оставьте его в живых, – быстро ответил Адобекк. – Не нужно, чтобы о покушении узнали.

– Его ведь можно убить и тайно, в тюрьме, – сказала королева почти сладострастно.

Тонкий контур розы, бледно-золотой, проступил на ее смуглой щеке, она провела кончиком языка по губе.

Адобекк задохнулся от неожиданности. В таком обличье развращенной девочки-подростка – он не видел свою королеву, пожалуй, никогда.

– Вы намерены подослать к нему в камеру убийцу, ваше величество? – спросил Адобекк.

Она откинулась в кресле. Из-под длинного одеяния показалась босая ступня. Пальцы смуглой ножки зашевелились. А потом все исчезло: и сладенькая улыбка, и босая ножка, и тонкая розочка. Складки капюшона легли вокруг лица так неподвижно и рельефно, словно принадлежали статуе из темных пород камня.

– Нет, холодно сказала королева. – Вы правы. Он может еще пригодиться, этот ваш Радихена. – Ее ноздри чуть дрогнули.

– В таком случае как мы поступим?

– Если отправить его назад, к Вейенто, герцог попросту убьет его, – произнесла королева. – Радихена не справился с поручением, он попал к нам в руки, и герцог ни мгновения не будет сомневаться в том, что его человек, оказавшись в тюрьме, рассказал обо всем.

– Естественно, – вздохнул Адобекк.

– Выпустить его на волю? – продолжала она. – Однако он может быть опасен.

– Нет. – Адобекк покачал головой. – Опасен – вряд ли, а вот бесполезен – это точно. Я бы предпочел держать его под рукой.

– Полагаете, он не повторит попытку? – тихо спросила королева.

– Теперь убийство принца лишилось для него всякой цен-

ности и смысла, – ответил Адобекк. – Мы ведь слышали его рассказ. У него была единственная цель – эта девушка, Эйле. Сейчас, когда она мертва, ему безразлично, где и как жить. Я даже думаю, что он не слишком боится смерти.

– Но пыток он испугался.

– Это другое.

Они помолчали. Адобекк боролся с искушением позвать стражу и потребовать, чтобы принесли кувшин прохладного сидра. Страже не следовало знать о присутствии королевы.

Наконец Адобекк прервал молчание:

– В какой-то мере мне даже жаль его. Он – худшее из возможного: невежественный мужлан, который поднахватался грамоты, приобрел некоторое понятие о лучшей жизни – точнее, о том, что в представлении мужлана считается лучшей жизнью… И теперь страдает, как безвинно мучимое животное. Самое ужасное заключается в том, что пути назад для таких, как он, не существует. Он не сможет забыть того, что видел, что прочел, о чем мечтал. Проклятье! – Адобекк стукнул себя кулаком по бедру. – Ненавижу мечтательных мужланов, даже в пасторалях.

Королева чуть улыбнулась.

– Не старайтесь меня насмешить. Я ценю вашу попытку, но это… не смешно. Это ужасно.

Адобекк вздохнул:

– Вот и я говорю, что это ужасно… На что он рассчитывал? Даже если бы ему удалось ускользнуть от нас, герцог

не стал бы рисковать: я не верю, что господин Вейенто доверился бы другому человеку вот так, всецело…

Внезапно лицо Адобекка потемнело. Королева насторожилась, приподнялась в кресле.

– Что?.. – сорвалось с ее губ.

– Скорее всего, Вейенто отправил еще одного убийцу – чтобы устранить Радихену сразу же после покушения. Это вполне в его стиле.

Ее величество опустила веки. Тень ресниц полукружьями легла на щеки королевы.

– Я устала, – сказала она. – Проводите меня в мои покои. Пленник поступает в ваше полное распоряжение, друг мой. Обещаю вам мое одобрение в любом случае… И не убивайте его. Пока.

– Только распущу об этом слухи, – обещал Адобекк, предлагая ее величеству руку.

* * *

Талиессин появился в покоях своей матери перед рассветом. Неизвестно, где принц провел ночь; в его волосах застряла солома, одежда была пыльной, руки и лицо – грязными.

– Гайфье, – сказал Талиессин, и королева мгновенно про-

будилась.

В полумраке блеснули ее глаза, видно было, как шевельнулись и изогнулись темные губы.

– Это ты? – тихо окликнула она.

Прошуршало покрывало: королева села, набросила на плечи шелковую ткань. Талиессин молча стоял на пороге и смотрел на мать. Покрывало стекало с ее плеч, как вода; королева всегда ладила с вещами здешнего мира.

– Я знал, что это имя разбудит вас, матушка, – сказал Талиессин, криво усмехаясь.

– Зачем ты назвал имя своего отца, Талиессин? – спросила она.

– Я назвал вам имя моего сына, матушка, – ответил Талиессин. – Вы ни разу не изволили взглянуть на своего внука. Неужто вы пренебрегли моим бастардом только потому, что он ни в малейшей степени не является Эльсион Лакар? Или вам не нравится, что он рожден не в браке?

– Я могла бы спросить тебя, отчего ты сам не принес мне ребенка для благословения, – отозвалась мать. – Или, по-твоему, правящая королева должна была сама отправиться за четвертую стену, в дом твоей возлюбленной?

Талиессин оскалился.

– Моей возлюбленной больше нет, мама. Слышите, ваше величество? Ни я, ни все ваше королевство не уберегли ее.

– Чего ты добиваешься, Талиессин? – спросила королева. – Ты взрослый мужчина, ты – отец, ты – Эльсион Лакар,

как и я. Если ты явился ко мне среди ночи, следовательно, ты отдаешь себе отчет в важности своего требования.

– Мое требование очень простое, – сказал Талиессин.

Он вынул кинжал и на глазах у своей матери четырежды полоснул себя по лицу – широкими, размашистыми движениями. Рука его не дрогнула и не замедлилась ни на мгновение.

Королева не вскрикнула, даже не вздрогнула, когда широкие темные полосы перечеркнули лицо сына. Молча смотрела, как кровь бежит со щек, через губы, как капает с подбородка, заливает одежду и душистый пол королевской опочивальни.

В тех редких случаях, когда эльфийские короли выносили смертный приговор, они наносили себе четыре небольшие ранки на губах – в знак грядущего обновления и в знак скорби по человеку, умирающему по их воле. Талиессин видел этот обряд десять лет назад, когда королева приговорила к казни убийцу нескольких женщин.

Теперь то, чему она научила сына, вернулось к матери умноженным десятикратно. В тот далекий день, во время казни, королева едва только наколола свою нижнюю губу; Талиессин располосовал себя щедро, не боясь ни боли, ни уродства.

Рот принца стал огромным, бесформенным. Раскосые глаза светились в темноте.

– Я хочу его смерти, – сказал он. – Я требую, чтобы вы

казнили его.

– Нет, – проговорила королева.

Он продолжал стоять неподвижно. Затем заговорил с лихорадочной дрожью в голосе:

– Отдайте мне его, матушка, я сам убью его.

– Уходи, Талиессин, – попросила королева.

– Вы не отдадите его мне?

– Нет.

В тишине слышно было, как он всхлипывает. Потом звякнул брошенный нож. Талиессин метнулся к матери, упал к ее ногам, пачкая кровью ее шелковые одежды.

– Мама! – кричал он, хватаясь в темноте за ее руки. – Пожалуйста, отдайте! Вы ничего не узнаете, ничего! Вы никогда не увидите его… того, что с ним стало! А завтра я принесу вам внука.

Королева молча отбивалась от него. Теперь он стал сильнее, чем она, а ведь еще несколько лет назад она могла схватить его за руки и удерживать, как бы яростно он ни пытался высвободиться.

А потом все прекратилось. Одним прыжком Талиессин отскочил обратно к порогу. Засмеялся сквозь зубы, наклонился – поднять нож. И выскользнул за дверь.

Комната наполнилась слабым запахом вереска. Королева отдернула штору. Рассветный луч скользнул в опочивальню, озарив цветущие вересковые кусты, выросшие там, где стоял Талиессин.

– Эльсион Лакар, – сказала королева угасшим голосом. – Это несправедливо, несправедливо…

Она сдернула с себя испорченное покрывало, забралась обратно в постель. Слишком давно ее величеству правящей королеве не доводилось плакать. Она и забыла, как это бывает сладко – рыдать на рассвете от обиды, уткнувшись лицом в подушку.

* * *

Талиессин знал, что спит и видит сон, но вместе с тем он явственно ощущал, что в своем сновидении не одинок: как будто некто пробрался в его сон и направляет грезы по совершенно иному руслу. Это ощущение было странным и, пожалуй, неприятным, но вместе с тем оно рождало внутреннюю щекотку, стремление действовать.

Густой воздух был наполнен плывущими коронами. Идти было трудно – приходилось постоянно преодолевать упругое сопротивление. Иногда впереди мелькал Кустер, и тогда Талиессин прибавлял шагу: ему хотелось непременно настичь беловолосого парня, не позволить тому ускользнуть.

Затем Талиессин увидел третьего: это был высокий старик с узким лицом. Свет обеих лун как будто навечно отпечатался на его щеках: левая сторона лица была ядовито-жел-

той, дряблой, правая – отчаянно-синей, в густой сети резких морщин.

Кустер бежал к старику, протягивая к нему руки и смеясь от радости. Засмеялся и старик. Он повернулся, бросил взгляд куда-то себе за плечо, щелкнул пальцами, и на тропинку выступил вороной конь. Талиессин видел, как лоснится его шкура, как длинная грива ниспадает почти до земли. Кустер вскочил на коня, и почти тотчас оба пропали, а старик повернулся к Талиессину.

– Эй, Гайфье, – сказал старик, – убирайся-ка ты из моего сновидения!

И Талиессин проснулся.

Он был в лесу один. Деревья как будто отступили с поляны, где он заночевал. Никаких следов вчерашнего знакомца на поляне Талиессин не обнаружил. Однако лес точно был медный – тот самый, из сна.

Талиессин зачерпнул росы и обтер лицо, изгоняя ночное смятение. Шрамы на его лице уже поджили, но при любом неловком прикосновении начинали опять кровоточить. Странно – обычно все раны заживали у него быстро. Должно быть, эти растравляла боль, что обитала в его сердце.

Он уселся скрестив ноги, как часто сидел в саду своей матери, в королевском квартале, за первой стеной. Стал думать.

Что еще было странного?

Он точно помнил, что произошло после того, как он в

бешенстве выскочил из спальни своей матери. Королева отказалась выдать ему убийцу Эйле. Должно быть, у ее величества имелись веские основания поступить подобным образом. Наверняка не обошлось без ее любимого советчика, главного конюшего – Адобекка.

Талиессин, разумеется, знал, что после смерти принца-консорта, отца наследника, у королевы были любовники. Подобным образом она обзаводилась преданнейшими из своих сторонников. Для мальчика это обстоятельство оставалось в порядке вещей: он никогда не судил свою мать. Она была королевой и к тому же эльфийской дамой; эльфийские дамы иначе смотрят на физическую близость с мужчиной, нежели обычные женщины.

Талиессин не сомневался также и в том, что ни Адобекк, ни кто-либо другой из числа бывших возлюбленных королевы никогда не причинят ей вреда. Адобекк счел правильным оставить убийцу в живых следовательно, Адобекк строит некие планы с участием этого человека.

Но для самого Талиессина не существовало никаких разумных доводов, никаких планов, никаких достаточно важных причин. Он просто желал уничтожить источник своего страдания, все прочее оставалось не важным. Менее всего Талиессин ожидал, что мать откажет ему. В последние годы они не часто сходились за доверительным разговором.

Талиессин, от природы скрытный, с возрастом все больше отдалялся от матери. Он видел, что она печалится из-за

этого, но не мог преодолеть собственного характера: то, что происходило в его душе, пока он взрослел, не желало выходить на свет и облекаться в слова.

Мать подсылала к нему молодых людей, которым давала поручение «подружиться» с наследником. Большинство этих превосходных молодых людей добросовестно старались угодить принцу, но он хорошо видел, что на самом деле вызывает у них странное чувство: смесь любопытства и брезгливости. Один только Эмери казался другим. Впрочем, сейчас это не имеет значения.

Талиессин взял с земли ветку и принялся обламывать с нее прутики. Какой-то человек в плаще преследовал принца по улицам столицы. Талиессина забавляла эта игра: таскать за собой неизменного таинственного спутника, из кабака в кабак, из дома в дом, по всем переулкам. Затем Талиессину захотелось внести в эти прогулки некоторое разнообразие, и он спросил незнакомца: «Кто ты?»

Тот назвался Смертью вполне в духе их совместной игры, продолжавшейся несколько недель.

Дальнейшее Талиессину вспоминалось хуже.

Он помнил, как убегал оттуда, где умерла Эйле: ему почему-то казалось, что существует настоятельная необходимость находиться как можно дальше от того места, где осталась Смерть. Как будто расстояние между Талиессином и Смертью имеет какое-то значение.

Из столицы Талиессин уходил пешком вместе с какими-то

торговцами. Его, кажется, приняли за забулдыгу, подравшегося накануне в кабаке, и какой-то приказчик, благоухающий свежевыпитой горькой настойкой, осуждающе разглагольствовал о «неразумии младости». Талиессин отмалчивался и при первой же возможности свернул в сторону.

Наконец-то он остался один. Любой проселок открывал перед ним мириады возможностей: он мог избрать любое направление – к любому растению, к любому причудливому пню, к любой деревне. Все яблоки мира были к его услугам, все ручьи королевства, все родники, каждый лист, каждая травинка. Все, что угодно, – по его выбору.

«Ни прошлого, ни будущего, – думал Талиессин. Только я и весь мир для меня».

Несколько долгих мгновений ему казалось, что в этом можно обрести счастье, однако почти сразу же это счастье оказалось лишь подобием подлинника, а затем и вовсе рассыпалось в прах.

Просто одинокий юноша на пыльной дороге, и никого рядом.

* * *

Ночью Талиессина разбудило зарево. Свет разливался по «неправильной» – северной – стороне горизонта; он исходил

снизу, с земли, и в этом Талиессин видел злой знак. И даже не с земли, а как бы из-под земли. Огонь из недр, из самых глубин ненависти и страха.

Он поднялся и долго стоял, повернувшись лицом к зареву. Горячий воздух как будто долетал оттуда до Талиессина. Молодой человек ощущал жар очень издалека. Кожу на лице начало покалывать, глаза заслезились, волосы отпрянули ото лба, спасаясь от обжигающего дуновения.

Пожар притягивал взор, как бы ни противилось этому зрелищу сердце, и Талиессин пошел на багровый свет. С каждым шагом ему становилось жарче. Он понял, что, переживая горе в одиночестве, становится ближе к Эльсион Лакар, нежели был прежде: все его чувства обострились.

Это пугало его. Он не видел своего лица и боялся, что на щеках у него выступили эльфийские узоры. Здешние крестьяне могли убить эльфа. Их достаточно запугали и озлобили для подобного поступка.

Талиессин никогда не боялся умереть. Но он боялся умереть не той смертью, которую выберет сам. И меньше всего ему хотелось быть растерзанным ожесточенными мужланами.

Он плотнее закутался в плащ и слился с ночной чернотой.

Дорога сперва шла под уклон, затем начала подниматься. Талиессин без труда находил путь: он неплохо видел в темноте. Зарево становилось все ярче, так что скоро ночь отступила, изгнанная из своих законных пределов. Талиессин

увидел полыхающую усадьбу и десятки маленьких черных фигур, бегающих на фоне разверстого огненного чрева.

Слышались громкие хлопки, как будто что-то лопалось, и после каждого хлопка раздавался оглушительный рев, вырывающийся из человеческих глоток.

Талиессин подобрался еще ближе. Увлеченные разгромом люди не замечали его.

Горел деревянный дом, выстроенный причудливо и богато раскрашенный. Рядом с домом Талиессин увидел несколько черных полусфер. Внезапно одна из них взорвалась и послышался звон разбитого стекла.

И тогда Талиессин вдруг вспомнил, что бывал здесь с матерью, очень давно, в детстве.

Это было имение некоего господина Алхвине, землевладельца средней руки, который все доходы от своего небольшого имения вкладывал в оптические лаборатории. Вокруг усадьбы он неустанно возводил сферы из разноцветного стекла. Господин Алхвине сам разрабатывал узоры. Он показывал ее величеству картоны, на которых лично вычертил несколько фигур.

Талиессин закрыл глаза, и тотчас зрелище пожара исчезло: перед взором Талиессина отчетливо встал тот давний день. Мать – она была, как с удивлением понял юноша, намного моложе, чем теперь, в сиянии эльфийской красоты, с двумя толстыми медными косами, с мило косящими зелеными глазами, с большим улыбчивым ртом. Волосы у коро-

левы были недлинные, но очень густые, так что ее косы не лежали на спине и не извивались плавно, как подобало бы, а, чуть изгибаясь баранками, лежали на плечах, и их пушистые хвостики подпрыгивали при каждом шаге ее величества.

Она улыбалась этому господину Алхвине, а он, вне себя от восторга, суетился и демонстрировал все новые и новые достижения своих лабораторий.

Алхвине был невысок ростом, лет сорока с лишком, в черной бороде – ярко-белая проседь. Он нравился Талиессину: принц всегда с любопытством относился к разного рода чудакам. Нынешний Талиессин вдруг догадался: мать нарочно затеяла поездку к господину Алхвине, чтобы развлечь угрюмого подростка, каким был в те годы Дофин. А тогдашний Талиессин ни о чем не подозревал. Воображал, будто королева прибыла сюда для собственного развлечения или, еще хуже, по делу, поскольку намеревалась вручить господину Алхвине высшую степень отличия – Знак Королевской Руки, символ полного одобрения его опытов со стороны королевской власти.

И пока королева любезно слушала разъяснения господина Алхвине, Талиессин рассматривал витражи. Он находился внутри одной из сфер, окруженный пестрым подвижным светом. Каждое мгновение воздух внутри сферы менялся: преобладание зеленых лучей уступало место преобладанию красного или желтого.

Другими становились и изображения на витражах. Они

как будто жили собственной жизнью. Сначала Талиессин видел в основном речку, опоясывающую сферу по всему диаметру. Каждый камешек в этой реке горел отдельным световым пятном, каждая лягушка была готова, кажется, ожить и квакнуть. Затем внезапно в глаза начали бросаться цветы, изображенные на стеклянном лугу. Их лепестки, их листья. Чуть позже ожили насекомые и птицы, но тогда погасла река.

А если стоять в самом центре сферы и крутиться, обнаружил Талиессин, то весь стеклянный мир вокруг приходит в движение, и в конце концов становится просто жутко, потому что ты сам перестаешь существовать и превращаешься в наблюдателя, в постороннего, в того, кто только смотрит, но лишен права говорить и действовать.

Королева замечала, что сын ее в восторге. Теперь Талиессин знал это наверняка. Именно поэтому она пожелала заночевать в доме господина Алхвине, хотя до столицы оставалось полдня пути.

Талиессин провел ночь внутри одной из сфер. Смотрел, как чернеет искусственный мир, как извне пронзают его звездные иглы, а затем внутрь властно входят, точно мечи, перед которыми расступается все, широкие лучи двух лун, Ассэ и Стексэ. На их перекрестье, в самом центре сферы, появилось призрачное изображение ладьи с надутым парусом.

Днем господин Алхвине объяснял, как создается это изображение. Показывал схемы и чертежи. Преломление лунных лучей, особые углы, под которыми расположены

стекла витража, элементы ладьи, скрытые в узорах, преимущественно в изображении цветов, – все это приводит к проецированию картинки на воздух…

Талиессин же знал тогда только одно: он увидел чудо. Ладья возникла из пустоты, из игры света и цветных стекол. Тихо висела она над головой мальчика, а он стоял, запрокинув к ней лицо, и пестрые пятна, синие и желтые, медленно перемещались по его лбу и щекам. И когда созерцание ладьи начало причинять ему боль, изображение стало медленно таять – ни мгновением раньше. И по этому признаку Талиессин понял: чудо, созданное господином Алхвине, совершенно.

…Наполненная дымом сфера лопнула. Осколки взметнулись в воздух жутким фейерверком; вслед за ними мчались, догоняя их, длинные струи огня. «Если бы в аду устраивали праздники, подумал Талиессин, – они выглядели бы похоже». Безрадостные черные осколки осыпались дождем обратно в пламя. Раз или два сверкнуло цветное стекло, но оно было сразу поглощено огнем.

Талиессин сделал еще несколько шагов и вдруг наткнулся на нечто свисающее с ветки. Он не заметил препятствия, потому что не сводил глаз с пожара.

Юноша отпрянул, капюшон упал с его головы.

Прямо перед его лицом покачивалось лицо господина Алхвине. Оно было перевернуто, черные с проседью волосы свисали к земле – находись господин Алхвине в нормальном

положении, Талиессин сказал бы, что они стояли дыбом. Рот господина Алхвине был раскрыт, и Талиессин видел, что зубы у него раскрошены. Пожар отражался в распахнутых глазах.

Талиессин шарахнулся в сторону, а затем побежал. Он скатился с холма, нырнул в чащу леса и бежал не разбирая дороги, пока зарево на северном, «неправильном» краю горизонта не отдалилось настолько, что Талиессин перестал ощущать долетающий от него жар.

* * *

Когда Талиессин добрался до леса, у него был целый мешок краденых яблок, но с каждым разом яблоки оказывались все более кислыми, и в конце концов Талиессин оставил их на одной поляне.

А потом он встретил Кустера. Сейчас он не был вполне уверен в том, что действительно повстречался с реальным человеком. Впрочем, вряд ли это имело большое значение.

Раздумывая над этим, Талиессин постепенно избавлялся от ощущения, оставленного сновидением. И когда последний привкус тревожащего ночного явления исчез, он вдруг понял, что поблизости от него на поляне находится кто-то еще.

* * *

Радихена не знал, как долго он пробыл в тюрьме. Повинуясь распоряжению царедворца, что допрашивал его, стражники принесли пленнику кусачее шерстяное одеяло, бутыль с водой и корзину съестного, после чего закрыли тяжелую дверь и оставили его в темноте.

Больше ничего не происходило. Тьма поглотила Радихену – такая густая, что даже сны не решались ему сниться. Он не столько засыпал в обычном смысле слова, сколько погружался в болезненный обморок. Пробуждению обычно способствовал голод, и тогда он немного ел из корзинки.

Иногда он думал о той женщине, которая пришла к нему в замке герцога Вейенто. О той танцовщице, что пожелала одарить его ласками. Она не была особенно красивой – просто веселой и ужасно живой. От нее удивительно пахло пряностями.

Он пытался вспомнить Эйле, но она опять исчезла из его памяти. Он знал: это не потому, что он убил ее; за свою смерть она на него не сердится. Она знает, что он вовсе не собирался ее убивать. Очевидно, дело в другом: ни при жизни, ни после смерти Эйле не может принадлежать ему. Даже на воспоминания о ней он не имеет права. И в конце концов

Радихена смирился с этим.

Корзинка опустела, бутыль с водой иссякла, но в камеру больше никто не приходил.

Глава вторая
УБИЙЦЫ ПРО ЗАПАС

Уида стояла у раскрытых клавикордов и била пальцем по одной и той же клавише: раз, другой, третий… десятый, двадцатый… Одинокая нота наполняла весь дом Адобекка, все пять этажей узкого здания, втиснутого между другими подобными же строениями. Ни одна комната не осталась не потревоженной, повсюду проникал резкий звук, в котором слышалось то отчаяние, то попытка успокоения, то печаль, то ярость.

Грусть расплывалась по хорошеньким старинным портретам, вывешенным в маленьких столовых, – на первом этаже, возле кухни, и на пятом, у спальни самого хозяина дома, господина Адобекка. Беспокойно вздрагивали цветы в широких деревянных ящиках, украшающие кабинет – самую светлую комнату дома. Скупо разбросанные по стенам солнечные пятна как будто начали перемещаться, сгоняемые с места назойливым повторением ноты. Шевелились листки бумаги на столе Адобекка, жались друг к другу нотные знаки в тетрадях Эмери, сползались плотнее и спутывались нитки в вышивальных корзинах Ренье, любителя рисовать иглой.

Дом звенел тревогой, а нота все звучала и звучала.

Эмери долго стоял у двери комнаты, где находилась Уида, не решаясь войти. Эльфийская дева, которую он нашел ра-

ди принца Талиессина, продолжала оставаться для молодого человека загадкой. Прежде всего потому, что он не слышал в ней музыки.

Эмери мог найти музыку во всем: в стуке капель, в шагах за окном, в ругани возчиков, в выкликах торговок. Он слышал мелодию каждого человека, которого встречал, и всегда мог наиграть главную музыкальную тему любого из своих знакомцев.

Из-за своего дара Эмери почти никогда не ошибался в людях: чуткое ухо мгновенно улавливало фальшь, отступление от мелодии.

Но Уида в присутствии Эмери «молчала». Для нее он не находил музыкальной темы.

Эмери отказывался поверить в то, что эльфийская дева не обладает собственной музыкой – такое было бы, с его точки зрения, просто невозможно. Она скрывалась от него, это вернее. Будь она чужда музыке, она никогда не вложила бы в одну-единственную ноту столько смысла и силы.

Наконец он вошел.

Уида обернулась на звук шагов, чуть раздвинула губы в улыбке.

– Я звала тебя.

– Знаю, – проворчал он. – Что ты хотела сказать?

– Ты разозлился.

Она отошла от клавикордов, уселась в кресло, лениво пролистала тетрадь с нотными записями. Отбросила в сторону.

– Где мой жених?

Эмери наклонился, поднял тетрадь. Женщина наблюдала за ним с усмешкой. Она была сейчас некрасива: очень темная, растрепанная. Потертый корсаж едва стягивал длинную бесформенную рубаху с рукавами, распущенные завязки болтались.

– Куда подевался мой жених? – повторила Уида.

Эмери остановился перед ней. Она запрокинула к нему лицо, и он увидел злые огоньки в ее глазах.

– Он сбежал, верно? – сказала Уида. – Удрал. Он от меня удрал, да?

– Уида, – проговорил Эмери, – скажи, почему я не слышу твоей музыки?

Она не изменила ни позы, ни выражения лица. Так и осталась сидеть, точно крестьянка, разбирающая ягоды для варенья, с расставленными коленями, а лицо ее было плаксивым и недовольным.

– Если ты ее услышишь, ты влюбишься, – ответила она с кривой ухмылкой. – А я обещана не тебе, а наследнику престола. Для чего тебе страдать, Эмери? Из страдания ничего хорошего не выходит. Моя музыка предназначена только для моего жениха, а он сбежал. Как ты думаешь, что это значит? Ему уже донесли, что я нехороша собой и что нрав у меня гадкий?

– Думаю, он вообще о тебе ничего еще не знает, – ответил Эмери. Он был слишком поражен ее признанием, чтобы ду-

мать сейчас о Талиессине.

Она взяла его за руку:

– Королева тоже не должна пока знать, да? Никто не должен?

– Уида, – Эмери растерянно прошелся по комнате, погладил мимоходом крышку клавикордов, – скажу тебе все как есть. Та девушка, возлюбленная Талиессина, она умерла, и я не представляю себе…

– Лучше ответь, – перебила она, – как ты считаешь: теперь Талиессин в безопасности?

Эмери уставился на нее удивленно:

– Поясни.

– Сколько убийц подослал к нему, по-твоему, герцог?

– Одного…

Она резко щелкнула пальцами.

– Ладно, Эмери, будем рассуждать по-другому. Предположим, тебе нужно убить принца Талиессина. Непременно нужно, понимаешь? Обязательно. Сколько убийц ты отправишь к нему? Одного?

Эмери молчал.

– Куда он уехал? – спросила Уида мягче. И добавила: – Я не хотела тебя обидеть.

– Ты не обидела меня… Никто не знает, куда он сбежал.

– У него есть цель?

– Уида! – закричал Эмери. – Я пытаюсь тебе объяснить: Талиессин почти мальчик, и он только что потерял возлюб-

ленную, которая умерла вместо него. Какая у него может быть цель?

– Не знаю. – Она пожала плечами. – Разделаться с врагами, например. Взойти на престол вопреки всем их интригам. Мало ли какая цель может быть у молодого человека.

Она переменила позу, устроившись в кресле с ногами, и добавила:

– Я ведь должна полюбить его.

* * *

Господин Адобекк проснулся в своей роскошной кровати под балдахином и, едва открыв глаза, ощутил нечто неладное. Тяжелые занавеси балдахина шевелились, хотя никаких сквозняков в комнате не было: об этом тщательно заботился Фоллон. Адобекк потянул за шнур, раскрывая занавеси, и в первое мгновение застыл от ужаса: прямо на него смотрело бледное лицо.

Лицо улыбалось. Затем руки в шелковых белых перчатках ухватились за стойки балдахина, мелькнули ноги в чулках и взвихренные кружевные юбки: исполнив акробатический прыжок, некая юная дама с обезьяньей ловкостью спрыгнула с балдахина и предстала перед Адобекком.

Дама была преступно молода и явно злоупотребляла кос-

метикой: гигантские тени окружали ее глаза, кроваво-красные губы были искусственно увеличены почти в два раза, а алые точки румян на скулах производили впечатление чахоточного румянца.

Волосы дамы были убраны под покрывало, а платье являло собой нечто среднее между разудалым пеньюаром и погребальным саваном.

– Мы, озабоченные представительницы благотворительного общества попечения о бедных преступниках, встревожены отсутствием сведений касательно известного вам убийцы, – тонким голосом заговорила дама.

– Ренье! – взревел Адобекк, могучим пинком отбрасывая одеяло и вскакивая. – Какая чума занесла тебя на мой балдахин?

– Я уже говорила вам, сударь, что мы, озабоченные представительницы… – пропищал Ренье.

– Проклятье, ты испугал меня… – Адобекк уселся на кровать и энергично потер лицо ладонями.

– Так и было задумано, дядя, – признался Ренье.

– Ты что, провел там всю ночь? – Адобекк глянул на Ренье с подозрением.

Племянник поспешно затряс головой.

– Нет, дядя, что вы! Я дождался, чтобы та госпожа покинула дом, и только после этого… э…

Адобекк тихо зарычал сквозь зубы. Ренье засмеялся.

– Но ведь это вполне естественно, дядя!

– Да, – сказал Адобекк. – Неестественно переодеваться женщиной и забираться на балдахин постели королевского конюшего. Вот это неестественно, Ренье.

– Между прочим, никакого Ренье не существует, – сказал юноша, щурясь. – Вряд ли мои выходки повредят вашей репутации.

– Не повредят, если не выйдут за пределы этого дома.

– Должен же я был удивить вас, дядюшка… Так что с преступником? Мы, озабоченные благотворительницы, весьма озабочены. И даже решились на крайние меры, потому что вы упорно молчите, а никто другой ничего не знает.

– Ты почти убедил меня дать тебе ответ, – вздохнул Адобекк. Он посмотрел на племянника и фыркнул: – Проклятье, я не могу с тобой разговаривать!

– Почему? – удивился Ренье и склонил голову набок.

– Потому что меня не оставляет ощущение, будто я откровенничаю в борделе.

– Вы посещали бордель, дядя? – изумился Ренье.

– Я бывал в самых разных местах, дитя мое, – веско ответил Адобекк. – Когда ты поймешь, что такое долг, ты поймешь и это.

– А, – сказал Ренье.

Адобекк вздохнул.

– Слушай и запоминай, глупая женщина, и, быть может, наука старого Адобекка когда-нибудь пригодится и тебе. Очень давно я взял себе за правило никогда не принимать

решений сразу. Трудно судить о человеке вот так, по первому впечатлению. И даже в тех случаях, когда поступки означенного человека, казалось бы, вопиют – даже и тогда можно ошибиться.

– Вы говорите о нашем убийце?

– Да.

– Он еще жив?

– Вот именно, – сердито сказал Адобекк. – И в немалой степени потому, что я попросил королеву сохранить ему жизнь.

– Почему?

– Нет ничего проще, чем отдать приказание удавить его в тюрьме… Но это было бы бессмысленно, – сказал Адобекк. – Чем больше я думаю о нем, тем меньше привлекает меня подобный исход.

– Объяснитесь, дядя.

– Нет, это ты объяснись, Ренье! – вспылил Адобекк. – Чего ты добиваешься?

– Скажу потом. Сперва вы.

Адобекк пожевал губы, вытащил из-под подушки несколько липких фиг и сунул их в рот.

– Иногда по утрам хочется сладкого, – пояснил он. – У меня даже голова кружится, так велика моя потребность в сладком, а подобные потребности следует удовлетворять, не медля ни мгновения.

– Понимаю, дядя.

– Одного понимания мало для того, чтобы я согласился поделиться с тобой фигами, – предупредил Адобекк.

– Ну, это я так, чтобы подластиться, – отрекся Ренье.

– Гибкость хорошее качество для придворного, – одобрил Адобекк. – Так вот, этот парень, Радихена, попал между двумя жерновами.

– Вы имеете в виду королеву и герцога Вейенто?

– Я имею в виду его мужланское невежество и те крохи образованности, которых он успел нахвататься, – оборвал Адобекк. – Я не так примитивно мыслю, как ты, Ренье! Ты глуп даже для женщины.

– Для того я и задаю вопросы, дядя, чтобы поумнеть.

– Опять льстишь. – Адобекк хмыкнул. – Из тебя выйдет толк. У меня имеются некие планы насчет этого Радихены. Пока еще весьма неопределенные. Для начала я хочу, чтобы он связывал свое будущее со мной и моим расположением к нему… Ладно. Выкладывай, с чем пожаловал.

– Мы, то есть Эмери, Уида и я, мы считаем, что Вейенто подослал к Талиессину не одного убийцу, а нескольких. Радихена нам ясен, а вот о тех, кому поручено завершить незаконченное им, – об этих мы не знаем ничего.

– Я тоже предполагаю наличие так называемых дополнительных убийц, – сказал Адобекк. – Что дальше?

– Возможно, имеет смысл спросить об этом Радихену, – сказал Ренье. – Не исключено, что ему что-то известно. Что-то более содержательное, чем наши предположения.

Адобекк уставился на племянника. В утреннем свете отчетливо вырисовывались все морщины на мясистом лице старого царедворца, видны были мешки под глазами, тяжелые складки у рта.

– Вы очень умны, ты, Эмери и Уида. Пожалуй, я сойду в могилу спокойный за будущее королевства, – сказал Адобекк. – Но, видишь ли, Ренье, я не мог просто так прийти к Радихене и начать задавать ему вопросы.

– Почему?

– Потому что Радихена еще не готов отвечать мне. Потому что он пока еще не начал видеть свое будущее. И уж тем более не научился связывать его с моими возможными благодеяниями. Говоря проще, он не созрел. По моим сведениям, ты совсем недавно был ребенком и, следовательно, не забыл еще, что бывает, если съесть десяток зеленых яблок.

Ренье сказал:

– Ну, разное бывает… Иногда и без последствий обходится.

Адобекк поискал под подушкой, но фиги закончились, поэтому королевский конюший вытер руки о покрывало и стал озираться в поисках одежды.

– Вам подать приборы для умывания, дядя? – спросил Ренье, уловив этот взгляд.

– Нет, я позову Фоллона… Потом, когда ты наконец меня покинешь. Почему-то мне не хочется, чтобы слуги видели, как из моей комнаты выходит столь отъявленная женщина.

– Но ведь это естественно, дядя!

– Вторая за ночь!

– Это только сделало бы вам честь, дядя.

– Чума на твою голову, Ренье! Ты можешь в конце концов объяснить мне, для чего ты вырядился столь чудовищным образом?

– Чтобы вы захотели со мной разговаривать, дядя.

* * *

Когда дверь в камеру Радихены отворилась, пленник даже не поднял головы. Адобекк рассчитал верно: заключенный был достаточно слаб, чтобы представлять собой угрозу даже в том случае, если господин Адобекк останется с ним наедине.

А королевский конюший желал поговорить с пленником без свидетелей. Стражник не стал возражать. Опасности действительно не было, и не столько потому, что Радихена изголодался, сколько потому, что он нал духом.

Пока в камере меняли солому на свежую, пока приносили стул для господина Адобекка, Радихена лежал, забившись в угол, и не поворачивал головы.

– Он там, часом, не помер? – спросил стражник с озабоченным видом. Он принюхивался, пытаясь понять, не с тру-

пом ли имеет дело.

– Мертвецы так не смердят, если ты об этом, – сказал Адобекк. – Поверь мне, они источают гораздо менее гнусный запах. По крайней мере поначалу. Живое всегда менее привлекательно – кстати, вот очередная загадка мироздания.

И извлек из манжеты душистый носовой платок.

Наконец все было устроено, и господин Адобекк вступил в камеру. Он расположился на стульчике. Вслед за тем внесли бутыли с чистой водой и корзины со свежим хлебом, целой сырной головкой, сушеными фруктами и ветчиной.

Стражник поставил факел в специальное отверстие в стене и закрыл дверь. Адобекк остался один на один с пленником.

– Можешь пошевелиться, – сказал он небрежно. – Сядь и повернись к свету, только будь осторожен, не то глаза разболятся.

Радихена не двигался.

– В чем дело? – осведомился Адобекк. – У меня мало времени, так что изволь слушаться. Не стану же я сидеть здесь и любоваться твоей спиной.

– Почему? – шепнул Радихена.

– У меня найдутся способы исправить твое поведение. Делай, что велят, и не рассуждай.

Радихена с трудом выпрямился и сел.

– Вы принесли еду? – хрипло прошептал он.

– Я распорядился о том, чтобы тебе принесли еду, – по-

правил Адобекк внушительно. – Будешь есть, когда я уйду. Не хватало еще мне смотреть, как ты чавкаешь.

– Меня обучали хорошим манерам, – сообщил Радихена.

– Возможно, я сумею оценить их – потом, – сказал Адобекк. – Обычно голодные люди не в состоянии помнить о манерах. Я знавал лишь одного или двоих – разумеется, чрезвычайно хорошего происхождения, – кто сохранял изысканность поведения в ситуациях, сходных с твоей… Сидеть! – прикрикнул он на Радихену, который двинулся было к корзине. – Сидеть и отвечать на мои вопросы!

Радихена замер. Он медленно открыл глаза и посмотрел на Адобекка. И тогда господин Адобекк сменил тон. Негромко спросил:

– Ты скучаешь здесь?

Подумав, Радихена ответил:

– Иногда – очень…

– Я думал о тебе, – сказал Адобекк. – Видишь ли, Радихена, ты опасен и плох не тем, что ты сделал, а тем, чего тебе сделать не удалось…

Радихена смотрел на корзину с припасами, с трудом подавляя дрожь. Затем он заметил, что Адобекк наблюдает за ним, и через силу сказал:

– Да.

– Подумай вот над чем, Радихена: один ли ты должен был отправиться в столицу, чтобы совершить убийство.

– Я не понимаю. – Пленник покачал головой. – Его сия-

тельство герцог лично говорил со мной. Он обещал мне…

– Да, я знаю, что тебе обещал его сиятельство, но спрашиваю о другом: были ли у тебя сообщники.

– Не знаю, господин, – уныло сказал Радихена.

– Когда мужчина говорит «не знаю», это звучит еще отвратительнее, нежели «нет» в устах женщины, – назидательно произнес Адобекк. – Давай притворимся, что ты не давал мне этого ответа. Попробуем еще разок. Тебе известны люди, которым поручено закончить то, что не удалось закончить тебе?

– Я не… – Радихена поперхнулся и замолчал, обреченно глядя на корзину с едой.

– Ты прав, дитя мое, я велю унести отсюда корзину, если ты не ответишь правильно, – одобрительным тоном заметил Адобекк. – Итак, в третий раз.

– Его сиятельство ничего не говорил мне о том, что подобные люди существуют, – сказал Радихена.

– Уже лучше.

– Однако я и сам предполагал, что такое может быть.

– Прекрасно.

– А иногда, – продолжал Радихена, – особенно сразу после пробуждения, рано утром, мне думалось: что мешает его сиятельству пустить по моему следу других убийц? Таких, чтобы убрали меня после того, как я сделаю свое дело.

– Для мужлана ты на удивление ясно мыслишь, – одобрил Адобекк. – Скажу более: ход твоих мыслей поистине достоин

самого герцога Вейенто. Должно быть, он неплохо натаскал тебя, если ты научился соображать так подло.

– Простите, господин, – проговорил Радихена безразличным тоном, – я сказал вам все, что мне было известно.

– Итак, мое предположение касательно еще одного убийцы, посланного одновременно с тобой, не лишено оснований, – заключил Адобекк.

Радихена помолчал немного, осмысливая услышанное, а после молча кивнул.

– Хорошо. – Адобекк встал. – Как насчет его имени?

Нет, – сказал Радихена. И прибавил: – Возможно, не один человек, а двое или даже трое. Хотя двое – вероятнее.

– Я кое-что тебе принес, – сказал Адобекк. Он раскрыл плащ и извлек из-за пояса небольшой плоский сверток. Положил его на стул, с которого только что поднялся. – Возьми, это тебе.

Радихена спросил:

– Можно?

– Да-да, – нетерпеливо ответил Адобекк. – Разговор окончен, теперь можно.

Одним скачком пленник переместился к стулу и схватил сверток. Адобекк наблюдал за ним из-под опущенных век. Любопытство оказалось в Радихене сильнее голода.

Ткань, в которую был завернут подарок Адобекка, полетела на пол, и Радихена увидел, что царедворец принес ему книгу. Пленник медленно перевел глаза на Адобекка. Гос-

подин королевский конюший не вполне был уверен в выражении этих глаз. И быстро проговорил, скрывая смущение:

– Это стихотворные описания разных чудесных существ: грифонов, единорогов… О них существует много любопытных легенд.

– Как я буду читать, мой господин, – тихо сказал Радихена, – если в камере совсем темно? Не оставят же мне факел; да он ведь скоро погаснет…

– А, хорошо, что напомнил, – отозвался Адобекк, запуская руку за пазуху и извлекая еще один сверточек, поменьше. – Это тоже для тебя.

Он вложил второй подарок прямо в руку Радихене – впервые их пальцы соприкоснулись.

– Что там?

– Светлячок. Довольно яркий. Он будет светить, пока у него не закончится брачный период, не меньше месяца. Успеешь дочитать книгу.

Радихена быстро откинул уголки платка, опустил голову и уставился на светящуюся точку у себя на ладони. Голубоватые огоньки замерли на лице Радихены, изменяя его черты. Не отрывая взгляда от светляка, он спросил:

– Зачем вы все это сделали, господин?

– Ты мне нужен, – ответил Адобекк.

– Для чего?

– Не веди себя нагло, – предупредил Адобекк. – У меня дома полным-полно предметов, которые могут мне приго-

диться: они лежат себе на полках и не задают вопросов. Советую тебе благоразумно следовать их примеру.

Он забрал факел и направился к двери. Радихена спрятал светляка в ладони. Он сделал это без малейшего намека со стороны царедворца, и тот одобрительно отметил догадливость пленника.

Стражник раскрыл дверь, выпуская Адобекка. Уже на пороге царедворец повернулся к Радихене.

– Кстати, не вздумай садиться на мой стул. Пусть остается здесь – я желаю иметь собственную мебель в комнатах, которые намерен посещать время от времени. Ты хорошо меня понял, Радихена? Не прикасайся к моей собственности!

* * *

– Эльфы умеют подсматривать чужие сны, – сказал старший из всадников младшему.

– Боишься – не берись, – отозвался младший.

Старший отмолчался.

Поручение пришлось не по душе обоим, но отказываться было поздно.

– Как вышло, что нас втянули в это дело? – снова заговорил младший.

– Ты знаешь, – бросил старший.

И они опять замолчали.

Старшего звали Сафрак, младшего Алатей. Сафрак был высоким, белокурым, с открытым, сразу располагающим к себе лицом. Алатей – коренастый, с вьющимися темными волосами и низким лбом, отличался поразительной способностью держаться в тени, так что Сафрак иногда дразнил товарища, называя его гномом, хотя это и было неправдой. В жилах Алатея текла только человеческая кровь, без примеси какой-либо иной.

Несмотря на разницу во внешности, они были отдаленной родней, более того – молочными братьями: когда мать Алатея умерла при родах, Сафраку было полгода от роду, и мать белокурого парня взяла к себе второго мальчика: молока у нее хватило на обоих.

Ни Сафрак, ни Алатей не хотели работать в шахтах и, когда вошли в возраст, не стали подписывать контракт. С ними поступили так, как обычно поступали во владениях герцога с юношами, не желающими подписывать контракт, то есть попытались уговорить. Расписывали прекрасное будущее, которое ожидает их по исполнении контракта. Угрожали нищетой. Обещали даже вышвырнуть за пределы герцогства.

Наконец за братьями явилась герцогская стража, и обоих упрямцев заперли в подвале ратуши того небольшого городка, где оба выросли. Охраняли братьев не слишком тщательно: их и в тюрьму-то посадили больше для того, чтобы запугать, – это было обычным делом, если человек настаивал на

своем праве отказаться от контакта.

Пытаясь освободиться, они случайно убили стражника и бежали. Их поймали недалеко от границы и препроводили к замку Вейенто.

С того дня началась их новая жизнь. Как и Радихена они перешли в безраздельное и бесконтрольное распоряжение его сиятельства и сделались исполнителями его воли.

– Что мы должны были сделать? Мы должны были зарезать этого крестьянина, – сказал Сафрак. – Радихена убивает принца, мы убиваем Радихену – и никто ничего не знает. Мы не обязывались пустить кровь принцу. Знаешь, что мне кажется? Мне кажется, это опасно.

– Что опасно? – недовольно поморщился Алатей.

– Прикосновение к его крови. Ну, принца.

– Я тебе объяснял несколько раз, что это обычное суеверие, – сказал Алатей. – Эльсион Лакар умирают точно так же, как и настоящие люди.

Из двоих молочных братьев Алатей один был грамотен; Сафрак упорно не желал обучаться чтению и письму, считая, что это ослабляет руку и делает глаз менее верным.

– Люди попусту не говорят, – стоял на своем Сафрак.

– Люди глупы и часто болтают попусту, – возразил Алатей.

Они ехали по проселку, мимо цветущих садов и виноградников, стекающих по холмам в долину. Талиессин опережал их дня на два. Торопиться смысла не было: след принца хорошо читался на дороге. За годы службы молочные братья

выследили для герцога не один десяток человек: некоторых они похищали и доставляли в замок, об иных лишь собирали сведения, третьих попросту убивали, и ни разу еще у них не случалось ошибок.

Не будь Талиессин потомком Эльсион Лакар, он считался бы чрезвычайно простой добычей. Принц не пытался изменить внешность или хотя бы разжиться другой одеждой. Он шел пешком, ночевал в сараях, под заборами – его видели крестьяне. В одном саду он утащил целый мешок яблок. Это тоже видели, да только преследовать не стали. Не такая уж великая ценность мешок яблок, чтобы гоняться за незнакомцем, который может быть вооружен.

– Ты видел когда-нибудь магию Эльсион Лакар? – спросил Сафрак.

– Сам знаешь, что нет, ответил брат рассеянно. Я вообще сомневаюсь в том, что подобная магия существует. В отличие от суеверов я не верю в магию. Только в очевидные и доказанные факты. И тебе советую, громила.

– А в твоих книгах про это что пишут? – настаивал Сафрак. – Ты ведь читал. Даже пересказывал как-то.

– Не помню… Ничего существенного. Легенды, предания, истории любви. Словом, разные глупости.

– Но летать-то они умеют, эти эльфы.

– Эльфы не летают, – сказал Алатей. – Они левитируют. Висят в воздухе.

– Зачем?

– Нравится им. Кстати, это умеют не только Эльсион Лакар. Некоторые аристократы с юга – тоже. Этому даже учат в их академии. Так что ничего магического или особо эльфийского в этом нет.

Сафрак помолчал, а после заметил:

– И все-таки если Ассэ столкнется со Стексэ, будет одна большая луна.

– Вообще никакой луны больше не будет, – сказал Алатей.

Они спорили о лунах с тех самых пор, как их умы смутил торговец книгами. Тот человек, черноусый, с горящими черными глазками, размахивал пачкой тонких книжек и кричал сухим, неживым голосом, точно скрипучее дерево в лесу:

– А вот если Ассэ падет на Стексэ! Новейшие расчеты!

Алатей купил «новейшие расчеты» и изучил их. Из книжки следовало, что столкновение лун неизбежно, после чего – приводились диаграммы – произойдут наводнения, землетрясения, исчезновение обеих лун и прочие бедствия.

Сафрак, с которым брат поделился прочитанным, считал, вопреки расчетам, что после столкновения луна будет одна, но большая. Он немного колебался касательно цвета этой грядущей новой луны. Как-то раз он пригласил брата полюбоваться на научный опыт.

В прозрачный сосуд Сафрак налил воду, окрашенную желтым. Затем из стакана добавил туда синюю воду. Цвет смеси получился отвратительно грязным.

– Вот, – сказал Сафрак, – полагаю, после столкновения

единая большая луна приобретет вот такой окрас.

– Не будет никакой единой большой луны! – закричал Алатей. – И хвала небесам за это, потому что лучше жить вовсе без луны, чем с эдаким кошмаром над головой!

– Да? – Сафрак посмотрел на сосуд, который держал в руке, поболтал его. И добавил не без отеческой гордости за свое творение: – А мне даже нравится.

Спор о двух лунах был единственным вопросом, где мнения братьев расходились. Необходимость убить одного из Эльсион Лакар стала второй такой темой.

– Положим, я боюсь, – сказал Сафрак с некоторым вызовом. – Ну и что? Я этого не скрываю. По крайней мере от тебя. Эта ядовитая гадина, принц Талиессин, – настоящая отрава для королевства. Все так говорят, и его сиятельство – первый.

– И поэтому мы обязаны избавить от него нашу прекрасную страну, – заключил Алатей. – Коль скоро дурак Радихена не справился с работой.

– Как вышло, что он провалил дело? – с досадой проговорил Сафрак. – Чума на его пегую башку! Я всегда подозревал, что этот недоносок ни на что не годен.

– Если подозревал, почему не предупредил?

– Я предупреждал, да кто меня слушает? Ты же сам громилой называешь, – заметил Сафрак.

Алатей рассудительно произнес:

– Его сиятельство все предусмотрел. Так?

Сафрак кивнул.

– Если мы не будем верить в предусмотрительность его сиятельства, – продолжал Алатей, – мы закончим свои дни так же, как Радихена.

– А как он закончил свои дни? – заинтересовался Сафрак. На его широкоскулом лице появилась насмешливая ухмылка. Он сощурил глаза, по лбу пробежали густые морщинки. – Тебе и это известно, умник?

– Полагаю, его уже удавили, – уверенно сказал Алатей.

– Полагаешь?

– Он попался на месте преступления, его схватили прямо над трупом девчонки – и с тех пор о нем ничего не известно. Как ты сам-то думаешь, что с ним сделали?

Сафрак молчал.

– Ну вот лично ты – что бы ты с ним сделал? – уточнил Алатей.

Сафрак сказал:

– Зарезал бы в тюрьме, без лишних слов и огласки… Мне другое непонятно: как вышло, что он испортил все дело? Держался вроде бы хорошо, действовал правильно. Узнал о жертве все. Изучил его привычки. Выводил из себя, преследовал, нарвался на драку… Ну, убил он по глупой случайности эту девицу. Что ему мешало после этого ткнуть ножом принца и сбежать?

– Ты же сам сказал: глупость, – фыркнул Алатей. – Глупость и ничто иное. Холопом он был, этот Радихена, холо-

пом и подох. Все южане одинаковы, рабство у них в крови. Хоть сколько лет в герцогстве проведут, все равно рано или поздно вылезет холопское мурло. А нам теперь доделывать за него работу. Спасибо Талиессину, удрал из столицы. Здесь нам будет проще до него добраться.

– Мы умрем, – помолчав, сказал Сафрак. – Я это чувствую.

– Ты суеверен, как крестьянин, – поморщился Алатей. – Талиессин, братишка, – просто-напросто мальчишка-выродок. Мы без особых хлопот отправим его под землю. Тебе лишь не следует видеть в нем человека, только и всего.

Сафрак поморщился. Любой, кого они с братом убивали, никогда не представлялся им человеком в полном смысле слова, ровней им самим: это была добыча.

– Да ведь он и не человек, – сказал Сафрак, – в этом-то все и дело… Нетрудно представить себе человека – не человеком; а как быть с нелюдью?

– С нелюдью будет еще легче, – уверенно произнес Алатей.

– Не уверен, – пробормотал Сафрак.

* * *

Они остановились на краю леса. Здесь отчетливые следы

Талиессина терялись, но так было еще интереснее.

Пока молочные братья шли за Талиессином по проселкам, они успели многое узнать о своей будущей жертве. Алатей особенно любил эту часть их работы. Буквально из ничего, из ничтожных мелочей, подхваченных по пути, складывать в пустоте некий мозаичный образ, а после при встрече смотреть, как восполняются недостающие части картины, – и в тот миг, когда все встает на свои места, когда образ делается полнокровным и живым, нанести смертельный удар. Создание целостности – и окончательное завершение.

– Что мы знаем о Талиессине? – задумчиво промолвил Алатей.

Он уставился на ветку ближайшего дерева. Ветка чуть покачивалась, как бы соглашаясь с каждым произнесенным словом.

– Выродок Эльсион Лакар, – пробурчал Сафрак.

– Это нам сообщили, – отмахнулся Алатей. – Я говорю сейчас о том, что мы поняли о нем сами.

– Молод.

– Не считается. Это тоже было известно заранее.

– По-настоящему молод, – настаивал Сафрак. – То есть неопытен и глуп.

– Согласен, – кивнул Алатей. – Кроме того труслив.

– Похоже на то…

– Нелюдим. Украл яблоки, вместо того чтобы попросить их.

– Боится людей?

– Возможно.

– Недоверчив. Предпочитает одиночество. Легко переносит голод.

– Кстати, о голоде: скорее всего, сейчас он довольно слаб – давно не ел.

– Насчет фехтования нас предупреждали, – заметил Алатей. – У него были неплохие преподаватели.

Сафрак сморщил нос.

– Я готов признать, что преподаватели у него были хорошие, но это еще не делает Талиессина серьезным противником. Ослабел – раз. Утратил волю к жизни – два.

– И ушел из столицы с одним только ножом – три, – смеясь, добавил Алатей. – Очко в твою пользу, братишка. Фехтовальщика из него сейчас не получится.

– Как будем действовать?

– Убьем из засады, – решил Алатей. – Благородство проявлять не будем.

Они посмотрели на лес, куда им предстояло войти. Деревья росли так, словно их нарочно высаживали, – на расстоянии друг от друга. Никакого кустарника, никакого подлеска. Ровные стволы и слой опавших листьев и хвои на земле.

– Куда же он пошел? – Сафрак сунул толстый палец в ухо и повертел. Прочищает голову, – весело заметил он. От его дурных предчувствий не осталось и следа.

– Разделимся, – предложил Алатей. – Он где-то здесь, в

лесу. Нам не обязательно нападать на него вдвоем. Первый, кто найдет Талиессина, справится сам и позовет второго.

Они тихонько посмеялись и развели коней; Алатей двинулся правее, Сафрак – левее. Талиессин находился поблизости, и один из двоих молочных братьев непременно натолкнется на него. Рано или поздно это случится.

Глава третья
МЯТЕЖНИКИ

Сафрак спешился, привязал коня. Настороженно огляделся по сторонам. Поляна, где он стоял, была пуста, но, судя по оставленным следам, тот, кого выслеживали, покинул ее совсем недавно. На земле еще белели свежие крошки хлеба – птицы не успели их склевать. Опавшие листья, устилавшие землю, были смяты и сдвинуты: там сидели, лежали, ерзали, ворочались.

Сафрак раздул ноздри. Тишина входила в его уши, но теперь это была совсем другая тишина – в ней Сафрак улавливал чье-то близкое дыхание.

Он первым нашел Талиессина. Добыча рядом. Нужно лишь протянуть руку и взять.

Звук чужого дыхания смолк. Тот, спрятавшийся, почуял опасность. Сафрак беззвучно засмеялся. Его открытое, доброе лицо пошло морщинками, какие появляются с годами у человека, привыкшего улыбаться. Светлые глаза сощурились, как будто Сафрак оценил чужую шутку.

Он обошел поляну кругом, двигаясь пружинящим шагом, странно легким для такого рослого, громоздкого человека.

Никого и ничего. Звук дыхания становился то ближе, то дальше; иногда затихал совсем, но потом всегда возобновлялся. Несколько раз Сафраку чудилось, будто некто смот-

рит прямо ему в затылок, но, обернувшись, не замечал никого. Даже тени не шевелились на поляне, и ни одна веточка не колыхнулась.

«Эльфийская магия? – подумал Сафрак смятенно. – Но ведь магии не существует… Они умеют левитировать. И это все. Но левитация не магия, она не имеет отношения к колдовству. Никакого отношения к колдовству. Никакого. И здесь никто не левитирует. Для этого нужна ночь. Кажется, да – нужна ночь, непременно. Две луны. Пока они еще не столкнулись… Две луны, две».

Что-то прошуршало у него за спиной. Сафрак резко обернулся. На сей раз он увидел нечто. Какое-то смутное движение воздуха, сероватая тень, скользнувшая и исчезнувшая в тот же миг. Как будто здешний мир на мгновение застыл, расступился и явил Сафраку крохотную часть мира иного, а после снова задвинул перед его глазами непроницаемый занавес.

Сафрака кинуло в жар. Он шумно выдохнул и несколько секунд стоял неподвижно. Все вокруг выглядело прежним: равнодушное шевеление зеленых крон в вышине, роскошь древних медных стволов, тусклое мерцание умерших листьев под ногами. Две-три бабочки в солнечном луче сверкнули и исчезли.

Чужое дыхание стало откровенным. Тот, кто таился поблизости, перестал наконец прятаться и подошел к Сафраку вплотную.

Сафрак резко повернулся и встретился взглядом с пустотой. А затем на стволе одного из деревьев дерзко распахнулись раскосые зеленые глаза.

* * *

Талиессин заметил всадника и испугался. Юноша не знал, кто этот всадник, понятия не имел о том, что он делает в лесу; и все же испугался.

Талиессин не мог объяснить разумно, что вызвало у него этот страх. Он вел себя как испуганный зверь: таился и не нападал, покуда его не загнали в угол.

Талиессин спрятался. Прижался к стволу дерева и принялся наблюдать за всадником украдкой. Красивый человек. Приятное лицо, хорошее сложение. Наверное, мужчины охотно завязывают с ним дружбу, а женщины легко пускают в свою постель.

И едва Талиессин подумал об этом, как незнакомец вызвал у него острую неприязнь. Должно быть, в Талиессине начала действовать зависть, а у зависти самые зоркие глаза, какие только можно вообразить. И тотчас он заметил жесткую складку у рта чужака и то, как тот озирается по сторонам. Мгновенная догадка: чужак ищет Талиессина, чтобы убить. Мысль пришла и сразу утвердилась; Талиессин был

убежден в том, что не ошибается.

Еще одна навязанная ему смерть. Сперва Радихена, теперь этот незнакомец. Неужели ему все-таки суждено быть зарезанным в лесу, бесславно, тайком? Нет уж. Куда лучше помереть от обжорства на каком-нибудь пиршестве, устроенном по почину господина Адобекка, прилюдно, под грохот шутих и фейерверков! Что угодно лучше, чем подобный конец.

Талиессин усмехнулся, представив себя багровым, с выпученными глазами и торчащим изо рта рыбьим хвостом, в разноцветных огнях веселого взрыва, и почти сразу почувствовал, что страх отступает.

Он замер. С удивлением быстро проверил всего себя, как бы мысленно пробежав по себе сверху донизу.

Ум? Находит некоторую прелесть в ситуации. Сердце? Бьется весело и быстро. Как насчет живота – не скручиваются ли кишки от звериного ужаса? Живот с готовностью побурчал, намекая на то, что неплохо бы перекусить, но никаких неправильных сигналов оттуда не поступало.

Осознав, что страха в нем на самом деле нет и в помине, Талиессин пережил восторг, какого, кажется, не испытывал никогда.

Он выпрямился, вытащил нож. Прижался спиной к стволу дерева и стал ждать, пока незнакомый человек его разглядит и перейдет к действиям.

А чужак все никак не замечал Талиессина. Вот он спе-

шился, медленно обошел поляну кругом. Несколько раз его взгляд рассеянно цеплял фигуру принца, но ни разу не задержался на ней. «Он и впрямь меня не видит», – подумал Талиессин. Он облизал губы и растянул их в усмешке. Вот теперь он воистину ощутил себя всемогущим – способным победить, и скорое столкновение с противником предстало ему желанным праздником.

Истинные Эльсион Лакар обладали способностью сливаться с окружающим миром, но никогда прежде Талиессин не подозревал такого умения у себя. Королева не делала этого, и принц, унаследовавший еще меньше эльфийской крови, нежели его мать, полагал, что и вовсе обделен большинством из даров Эльсион Лакар.

Талиессин смотрел на человека, который кружил по поляне и с каждой минутой выглядел все более растерянным. Вот он остановился, покрутил головой, запустил широкую пятерню в свои густые белокурые волосы, усмехнулся. Он как будто не вполне верил в происходящее.

Талиессин внимательно рассматривал своего будущего убийцу. Да, очень красивый человек. Уверенный в себе воин. Ладный меч на бедре, тренированные движения. «Дурак», – подумал Талиессин с презрением.

И встретился с ним взглядом.

* * *

Сафрак побледнел и отпрянул. Талиессин шагнул вперед, отделяясь от дерева. Гладкий блестящий ствол как будто оттолкнул от себя юношу, дружески направил его вперед: пора. Узкое лицо с раскосыми зелеными глазами, располосованное четырьмя вертикальными шрамами, некрасиво ухмылялось. Молодой человек постоянно облизывал разрезанные губы, как будто желая непременно обновлять кровь, выступающую из ранок. Сафрак завороженно смотрел на мелькающий кончик его языка: движение было ящеричье, не человеческое.

«Нелюдь. Он». Если бы не страх, явственно проступивший на лице Сафрака, Талиессин мог бы помедлить, отступить, удержать руку. Но Сафрак испугался.

Он даже не потянулся к мечу. Он шарахнулся, а затем повернулся к Талиессину спиной и помчался прочь, крича на бегу: «Алатей! Алатей!»

Человек струсил. Этого оказалось достаточно. Хищник проснулся и устремился в погоню.

Талиессин метнулся следом. Он бежал пригибаясь и делая большие прыжки, как бы чуть взлетая над поверхностью земли. Ему было весело, очень весело. Вся злоба, вся тоска последних дней вдруг переплавились в это веселье, и вот оно

вырвалось наружу.

Сафрак был хорошо виден между деревьями. Как ни старался он петлять, чтобы уйти от взора Талиессина, принц постоянно различал свою будущую жертву среди деревьев: древний медный лес благоволил к преследователю, не к убегающему.

Несколько раз Сафрак останавливался, бросал взгляды назад: умоляющие, как казалось Талиессину, и это еще больше веселило юношу. Теперь он, как ему думалось, понимал причины, заставляющие людей соглашаться на работу наемного убийцы. Если бы Талиессина сейчас спросили, что движет подобными людьми, он бы ответил: «Это забавно».

Несколько раз Талиессин приседал и скрывался среди опавшей листвы. Беглец переставал его видеть и впадал в панику. Начинал метаться, озираясь по сторонам. А потом Талиессин поднимался, разбрасывая вокруг себя старые листья, и смеялся, и из его глаз летели зеленые искры.

Наконец Сафрак не выдержал. Выхватив меч, он пошел навстречу эльфу: будь что будет.

– Я не боюсь тебя, слышишь? – крикнул он с вызовом.

Юноша остановился, расставив ноги и держа в опущенной левой руке нож. Глянул исподлобья.

Сафрак побежал к нему с мечом. Талиессин легко уклонился от первого выпада, заскочил за спину противника и стал невидимым. Тихо хлопнул в ладоши.

Сафрак резко развернулся и никого не увидел. Но он знал,

что эльф где-то неподалеку, и несколько раз ткнул мечом наугад.

– Грязный прием! – крикнул Сафрак.

– Зато действует, – отозвался Талиессин, снова появляясь перед ним.

Сафрак поднял меч, чтобы нанести второй удар. Он все рассчитал заранее: если сделать обманный выпад, а затем ударить снизу, целя в живот, у парня не будет времени уклониться. Эльф даже не сможет закрыться – нечем. Ни подходящего дерева поблизости, ни меча, ни щита, а нож в этом случае бесполезен.

И тут он встретил холодный взгляд Талиессина и замешкался лишь на единый миг; но этого мига оказалось довольно. Не раздумывая, Талиессин взмахнул левой рукой и метнул нож прямо в грудь человека.

Лезвие сверкнуло на солнце всего один раз, а затем погасло. Сафрак выронил меч, схватился за пустоту и повалился затылком на землю.

– Алатей, – пробормотал он.

Одним прыжком Талиессин очутился возле него, присел рядом на корточки, криво, почти неестественно изогнул шею, заглянул раненому в лицо.

– Кто ты? – спросил Талиессин и опять быстро облизал губы.

– Сафрак, – хрипло выдохнул раненый.

Талиессин приподнялся, потрогал рукоять своего ножа.

Сафрак глухо застонал. Талиессин отдернул руку. Узкое лицо принца – располосованная мордочка хищного зверька – снова возникло перед затуманенным взором Сафрака. Четыре темных шрама закачались вверх-вниз.

– Кто такой Алатей?

– Второй.

– Вас двое? Хорошо. – Талиессин засмеялся. Солнечный свет проник сквозь густые кроны и осыпался на его макушку теплыми брызгами. – Хорошо! – повторил Талиессин. Глаза его отливали зеленью. – Я убил тебя.

– Еще нет, – прошептал Сафрак.

– Это Вейенто, да? – сказал принц, приближая свои глаза к глазам умирающего. – Это он, герцог, да? Ах, как хорошо, как хорошо! Остался один… Один…

Внезапно Талиессин быстро вскочил и наступил на кисть руки Сафрака: он успел заметить, как тот из последних сил потянулся к своему мечу. Сафрак прижался щекой к земле, опустил веки. По его подбородку сползала розовая слюна.

– Какое уродство – человеческая кровь, – сказал Талиессин. И снова засмеялся.

Он обошел свою жертву кругом, подталкивая его ногой. Сафрак устало вскрикивал при каждом толчке, а Талиессин посмеивался сквозь зубы. Затем он наклонился, поднял выроненный Сафраком меч. Повертел его, покачал на вытянутой руке. В глазах Сафрака то и дело отражались отблески стали.

Талиессин сказал:

– Я заберу твою лошадь, хорошо?

И быстрым взмахом меча перерезал лежащему горло.

* * *

Усадьба господина Алхвине уже почти догорела, но оставались еще сараи, склады, лаборатории и последняя из трех построенных им витражных сфер; туда-то и переместилось большинство бунтовщиков. Какие-то люди, растрепанные и оборванные, угрюмо кидали на телеги мешки с зерном. Возле усадьбы их прежде не видели, и откуда они появились – никто не мог взять в толк. Терпеливые лошадки переступали с ноги на ногу и трясли гривами: им не нравился запах близкого пожара.

Две бабы в подоткнутых юбках вдруг с визгом вцепились друг другу в волосы; это произошло совершенно неожиданно для всех. Их не растаскивали до тех пор, пока они не покатились по земле прямо под ноги грузившим мешки. Тогда один из мужчин огрел их здоровенной дубиной, и они с новым визгом разбежались в разные стороны.

Тонконогий вороной конь промчался, минуя пожарище, и люди расступились, не смея ему противостоять; миг – и прекрасное животное исчезло. День перешел на вторую свою

половину.

Личной прислуги в доме господина Алхвине было не много. Почти все слуги погибли в огне: их заперли в кухне, когда поджигали господское жилище. Одна девушка выбралась было через соседнее окно, но ее вовремя заметили и закидали камнями и поленьями.

Возле стеклянной сферы сидела на земле женщина с распущенными волосами; одежда на ее груди была вся разорвана, а перед нею лежал мертвый младенец. Мимо женщины бегали взад и вперед люди, иногда толкали ее, но она не замечала происходящего и глядела перед собой остекленевшими глазами. Лишь изредка она испускала короткий звук, похожий на мычание.

Всадник показался на дороге, ведущей к усадьбе, как раз в тот миг, когда внутрь последней из стеклянных сфер метнули большой пылающий шар: это были скатанные тряпки, обмазанные смолой и подожженные. Внутри шара сразу загорелось. Огни пробежали по витражам, на лицах стеклянных людей вспыхнул нездоровый румянец, затем они начали стремительно смуглеть, чернеть, и вдруг взорвалось все разом. Густой фонтан осколков взметнулся в небо.

Несколько человек успели отбежать, двое упали, и дождь из стекла обрушился на них сверху. Липкая кровь растеклась вокруг упавших, измарала стекла, смешалась с копотью.

На какое-то время все замолчали. Слышен был только рев пламени, а затем поднялся тонкий пронзительный крик: ве-

рещала какая-то девушка, почти подросток, Она была босая, в одной рубашке на голое тело, с распущенной косичкой, полной хлопьев пепла.

Взобравшись на крышу сарая, широко расставив тощие ноги, она глядела на двоих мертвецов и кричала, кричала. В ее крике было что-то птичье: так надрывалась бы самка, заметив угрозу возле своего гнезда.

Второй звук прибавился к первому на фоне ровного гудения пламени: мерный стук копыт. Он нарастал, делался все более властным и громким. Серый широкогрудый конь не боялся ни толпы, ни мертвецов, ни пожара; он был хорошо обучен и вполне доверял всаднику.

Всадник, молодой человек с жуткими шрамами на лице, влетел на площадь перед взорвавшейся стеклянной сферой и резко натянул поводья. Второй человек свешивался с коня, его руки и светлые волосы болтались с одной стороны, ноги – с другой. Он был мертв.

Юный всадник придерживал его за пояс. Сильным движением сбросив убитого на землю, юноша громко крикнул:

– А вот еще один!

Конь покосился на седока, тихо заржал, и юноша бегло погладил его по морде. Развернул коня, позволил ему поплясать, брыкнуться разок, а затем опять натянул поводья.

Люди обступили всадника. Кое-кто приглядывался к убитому, нож незаметно вытащили из груди мертвеца и припрятали. Все приметили в новом человеке бунтовщики: и гряз-

ные стоптанные сапоги (должно быть, немало довелось ходить пешком, прежде чем разжился лошадью), и уверенную посадку, и испачканные руки с обломанными ногтями.

Он не был крестьянином, этот юноша; но он, несомненно, был из числа своих. От него исходила та же сила, что и от разожженного бунтом пожара. Неуловимым образом он напоминал бунтовщикам одного из тех главарей, что сейчас лежал зарезанный стеклом.

Искажая лицо, юноша закричал:

– Есть еще один! Еще один поблизости его надо найти и убить!

И тут женщина, сидевшая перед трупиком младенца на земле, ожила. Она вскочила, тряся обвисшими грудями в прорехе своей рваной рубахи, и отчаянно вцепилась в стремя. Ее белые глаза блуждали по страшному лицу всадника, не в состоянии остановиться на чем-либо одном. Из сухого рта вылетали отрывистые слова:

– Шесть пальчиков, шесть! Стекла, цветные стекла!

Ее схватили за плечи, оттащили. Она мотала головой, то ли отрицая что-то, то ли просто пытаясь избавиться от прядей волос, упавших на глаза, и громко мычала.

– Младенчик-то уродом народился, – сказала какая-то женщина рядом с Талиессином и глубоко вздохнула. Очень спокойная, понимающая женщина. – Урод, шесть пальчиков на левой руке. Ну и убили его. Как оставить? Шесть пальчиков, урод.

– Алхвине виноват, – сказал Талиессин, оскалившись. – Да?

Женщина опять вздохнула, глубоко, всей утробой, и ответила:

– Да.

– Цветные стекла, лунные лучи. Да?

– Да, – повторила женщина.

– Эльфийская кровь, – сказал Талиессин. – Яд. Выродки.

И пронзительно расхохотался.

Женщина смотрела снизу вверх хохочущего всадника, а потом, когда он замолчал и опять задвигал своим располосованным лицом, спокойно сказала:

– Да.

– Ух ты! – закричал Талиессин, наклонившись к ней. Он схватил ее за толстые щеки и потряс. – Люблю, когда женщина говорит «да».

Он выпустил ее и тронул коня. Рядом побежали сразу несколько человек – мужчин.

– Что делать-то? – спросил один из них на бегу.

– Сюда придет второй, назовется Алатей, – ответил Талиессин, повернув голову к спросившему. – Убить его. – Он показал рукой в сторону темных строений: – А там что? Склад?

– Кладовые там у него… Зерно из амбара уже увезли, а там штуки полотна и, думается, кой-что из посуды, одежда, разные вещи, – рассудительно сказал другой мужчина.

– Забрать, – отрывисто велел Талиессин. – Дома эти потом

сжечь. Вещи заберите, не надо, чтобы они пропадали. Да?

Не отвечая, мужчины бросились к кладовым. Талиессин проводил их взглядом. Облизал губы. Тотчас девочка-растрепа (когда только успела слезть с крыши?) подбежала и сунула ему в руки кувшин с холодной водой.

– Выпей, благодетель.

– Зови меня Гай, – сказал Талиессин.

– А меня – Хейта, – сказала она, как будто похвалялась.

Талиессин вернул ей кувшин и двинулся дальше по дороге. Дым пожара ел ему глаза, но Талиессин даже не моргал. Теперь он был частью этого пожара, и ничто здесь не могло устрашить его, ничто не в силах было причинить ему вред.

* * *

– Так и будешь сердиться на меня? – спросила Уида, поглядывая на Эмери сбоку.

На сей раз она приняла обличье благовоспитанной девушки; смуглая яркость ее лица и необычный разрез глаз казались всего-навсего эксцентричным способом наносить косметику. Для Уиды, по ее просьбе, Адобекк приобрел богатое дорожное платье: серое, с широкими рукавами и гладкой меховой оторочкой. Свои разбойничьи косы она убрала под плотное покрывало, также серое. Темный цвет кожи не так

сильно контрастировал с серым и меньше обращал на себя внимание, как неизбежно случилось бы, будь ее покрывало, согласно обычаю, белым.

Глаза девушки поблескивали, и Эмери это не нравилось. Насколько он успел узнать Уиду, это означало, что у нее на уме какая-то каверза.

Он действительно отнюдь не был в восторге от их затеи, но мнением Эмери не интересовались, ни дядя Адобекк, ни Уида.

Когда стало известно, что Талиессин пропал, Адобекк счел необходимым отправить на поиски принца не большой отряд, а двух-трех человек, которые проделали бы весь путь незаметно и уладили бы вопрос без лишнего шума.

Первоначально предполагалось, что такими людьми будут сам Адобекк и один из его племянников, но затем вмешалась Уида.

– Я сама разыщу его, – объявила она. – Будет лучше, если мы с Талиессином встретимся случайно.

В уме Эмери вдруг зазвучала та самая одинокая нота, которая вылетала из-под пальца Уиды, когда девушка касалась клавикордов: тревожная, упрямая, обладающая множеством голосов. Он понял, что переубедить эльфийку невозможно, хуже того – она права. И со вздохом подержал ее:

Уида справится с этим делом лучше вас, дядя.

– Она не поедет одна, – всполошился Адобекк.

Он ощущал себя старой курицей, но ничего не мог по-

делать. С таким трудом найденная эльфийская невеста не должна сгинуть на дорогах королевства. И не важно, что станет тому причиной: злодейства врагов или ее собственное легкомыслие. Адобекку было бы спокойнее, если бы удалось запереть Уиду где-нибудь в казематах старой стены и держать там до тех пор, пока Талиессин не будет обнаружен и водворен обратно.

Однако царедворец понимал, что это невозможно. И втайне глубоко скорбел.

Разумеется, он испытывал радость оттого, что его внучатые племянники выросли, превратились в сообразительных, храбрых молодых людей, и все это произошло на глазах самого Адобекка (и не без его участия), но… Лучше бы они все-таки оставались милыми и послушными. Проклятье, он оказался не готов полностью доверять им. А еще эта Уида! Когда речь заходила о прекрасной эльфийской деве, в мыслях Адобекка рисовалось подобие его королевы: сдержанная и прекрасная, полная внутреннего света, глубокая натура, умеющая управлять людьми одной только своей женской притягательностью.

Моложе королевы – да, смуглее – да; но не такая же! Уида была некрасива, с манерами как у конюха, с громким смехом. Она вообще не обладала женской притягательностью, по мнению Адобекка. Не более чем связка жердин, на которую была похожа эльфийка.

– В ней нет музыки, – проговорился как-то раз Эмери.

Адобекк хорошо понял племянника. Именно так: нет музыки. А ведь даже у простушки Эйле имелась своя мелодия – незатейливая любовная песенка.

– И еще Уиду как-то раз чуть не повесили за конокрадство, – добавил Эмери обреченно.

На это умудренный жизнью Адобекк ответил почти так же, как некогда сама Уида:

– Ну так не повесили же, и на том спасибо.

Впервые Уида вызвала у Адобекка проблеск одобрения в тот день, когда попросила доставить ей дорожное платье и подробно описала какое.

А затем прибавила:

– Я взяла бы в спутники Эмери. Конечно, правильнее было бы выбрать Ренье, потому что он лучше знает Талиессина, но зато Эмери лучше знает меня…

И Эмери, как он ни противился, был снова оторван от любимых клавикордов, усажен на лошадь и отправлен в странствие. Понятное дело, он злился на Уиду и совершенно не скрывал этого.

– Почему ты так уверена, что мы найдем его?

– Если бы ты был лошадью, Эмери, мне было бы легче найти с тобой общий язык, – ответила она неопределенно.

– Если бы я был лошадью, я бы, пожалуй, тебя лягнул, – сказал Эмери.

– Ну нет, – уверенно молвила она, – ты бы обожал меня, не сомневайся.

Она пожелала непременно завернуть на тот постоялый двор, где Эмери нанял Кустера.

– Для чего это тебе? – Эмери даже не пытался скрыть раздражение.

– Хочу посмотреть, в какой обстановке он жил, – пояснила Уида. – Видишь ли, я намерена взять его ко двору, когда взойду на трон.

– Кустера?

– А что такого? Он мне подходит.

– Ради всего небесного, Уида! – вспылил Эмери. – Мы потеряем время.

– Оставьте, сержант. Операцией руковожу я, и… А, вот, кажется, это заведение! – обрадовалась она, завидев вывеску постоялого двора. – Давай здесь пообедаем, а?

– Мы недавно завтракали в столице, – напомнил Эмери.

– Ты не любишь трактирную еду? – она изумленно подняла брови. – Я обожаю.

– А еще существуют полба и толченый овес, – проворчал Эмери.

Уида уже направила коня к постоялому двору. Ее подол с меховой оторочкой красиво развевался, приоткрывая стройную лодыжку; сапожки из тонкой кожи облегали ноги до середины икры. Уида сидела на коне уверенно, но чуть напрягала спину, как это делают дамы, когда красуются верхом. Обычно, насколько знал Эмери, Уида ехала развалившись в седле, как в кресле. Но сейчас она изображала аристократку.

Приостановившись, Уида обернулась к Эмери через плечо, блеснула улыбкой.

– Что же ты? Вперед!

На мгновение ему предстала смуглая красавица с точеными чертами лица и зовущим взором; затем видение исчезло. Уида чинно подъехала к дверям постоялого двора. Эмери смотрел, как она капризничает, требуя, чтобы ей держали стремя, чтобы ее поддерживали за руку, чтобы ей помогли сойти с коня, войти в двери, устроиться на скамье.

– В прошлый раз, когда я здесь была, – сказала она хозяину, подбежавшему к аристократической гостье, – у вас служил прелестный юноша, такой печальный и поэтический… Он весьма мне помог.

– А, Кустер, – сказал хозяин. – К несчастью, он умер.

– О! – воскликнула Уида, прикрывая лицо ладонью. Затем она зевнула и добавила: – Чрезвычайно жаль.

– Да, его нанял один знатный… э… словом, я обещал не сообщать, – сказал хозяин.

Уида умильно улыбнулась ему и снова зевнула.

Почему-то подбодренный этой пантомимой, хозяин добавил:

– Угробил мне и лошадь, и парня, а денег заплатил чуть. Но я не жалею…

Эмери вошел и уселся напротив Уиды. Хозяин, судя по взгляду, который он бросил на нового гостя, узнал Эмери, однако виду не подал.

– Ах, бедный покойный Кустер, – сказала Уида. – Ну ладно, принесите нам толченой полбы.

– Извольте, – сказал хозяин и удалился.

Эмери уставился на Уиду.

Она обнаружила на столе какого-то залетного жука и увлеченно гоняла его пальцем. Жук спасался, но без особенного успеха.

– Куда поедем? – спросил Эмери.

– У него никого нет, – сказала Уида. И подняла глаза на своего спутника. – Куда бы ты отправился, если бы у тебя никого не было?

– В пустоту, – ответил Эмери.

Хозяин лично подал им рыбный суп с клецками.

– Весьма оригинальная полба, – похвалила Уида. – А вы знаете, милейший, что бедный покойный Кустер был изрядным кулинаром? Да-да, ваша потеря гораздо больше, чем вы подозреваете. Он варил изумительные фрикадельки. Я не раз наслаждалась ими. Честное слово.

Хозяин откланялся и удалился, пятясь первые пять шагов.

– Что ты делаешь? – прошипел Эмери. – Кончится тем, что он потребует доплаты за Кустера.

– Полагаешь, он тебя узнал? – Уида сощурилась.

– Разумеется.

– Ну и доплатишь… Что тебе, денег жалко за бедного покойного Кустера? Он был такой хороший… – Она всхлипнула. – Волосы мне заплетал. Он отменно заплетал косы. Ты,

небось, не умеешь.

– Умею, – огрызнулся Эмери. – Когда мой брат переодевается женщиной, я всегда делаю для него прически.

Уида выловила клецку пальцами и сунула в рот.

– Вкусно, – сообщила она. – Не понимаю, чем недовольны крестьяне. Толченая полба – чудесное блюдо. Хочешь попробовать?

Она поймала вторую клецку и протянула Эмери.

– У меня есть свои, – заметил он, указывая на стоявшую перед ним миску.

– Ненавижу, когда проявляют эгоизм, – сообщила Уида.

Пренебрегая столовыми приборами, она уничтожила суп и, допивая из миски бульон, пролила себе на платье. Увидев, что случилось, Уида вскочила, в ужасе разбила миску и, не колеблясь ни мгновения, оглушительно завизжала. Тотчас набежали служанки, выскочил, топоча, сам хозяин. Все захлопотали вокруг важной гостьи, а Уида стояла, окруженная прислугой, глядела на пятно у себя на платье и визжала, не переводя духа.

Наконец ее кое-как утихомирили. Одна служанка тянула к ней кружку с прохладительным ягодным напитком, другая, ползая на коленях, промакивала платье чистыми салфетками, третья терла Уиде виски, а хозяин бормотал бессвязные извинения.

– Бедный покойный Кустер сшил мне это платье, – рыдала безутешная Уида. – Бедный покойный Кустер трудился над

ним, не разгибая спины. Он был превосходный портной, вам это известно? О, какая потеря!

– Выпейте, моя госпожа, выпейте, – говорила служанка.

Уида взяла наконец кружку, хлебнула морса, подавилась, закашлялась, обрызгала платье. Тут она упала на скамью и разразилась плачем.

Эмери встал и направился к выходу.

Уида стряхнула с себя прислугу и побежала следом.

– Ты куда? – закричала она ему в спину.

– В действующую армию, – бросил он, не оборачиваясь.

– Зачем?

– Подальше от тебя.

– Глупо! – выкрикнула она, остановившись и топая ногой.

Хозяин выскочил за ней во двор. Он растерянно смотрел, как Эмери садится на коня и галопом мчится прочь. Уида проводила глазами своего спутника, вытерла лицо рукавом и повернулась к хозяину постоялого двора. На лице женщины появилась развеселая улыбка.

– Нет, ну каков? – заговорила она совершенно спокойно. – Ненавижу, когда вот так, без предупреждения, прыг – и готов, умчался. Все мужчины таковы. Кроме бедного покойного Кустера, разумеется. Он, по крайней мере, успел со мною проститься.

Хозяин молча смотрел на нее. Он явно опасался проронить хоть слово, чтобы это не вызвало нового взрыва ярости. Уида проникновенным жестом вложила ему в руку кошелек.

– Это в память о бедном… А, не важно. Я хочу, чтобы в следующий раз, когда я буду в ваших краях, здесь стояла какая-нибудь траурная статуя. С соответствующей надписью. И обязательно напишите, что он был любовник, каких мало.

Она притянула к себе хозяина и поцеловала его в покорно закрывшиеся глаза.

– Прощайте. Где моя лошадь?

Ей привели лошадь, и Уида помчалась догонять Эмери. Он удирал от нее так, словно и впрямь надеялся избавиться от своей спутницы.

– Эмери! Подожди меня!

Он, не отвечая, погонял коня.

– Эмери, я больше не буду!

– Врешь, – прошипел он, но она не услышала.

– Эмери! Эй!

Наконец она поравнялась с ним. Он увидел, что она смеется, и сказал, натягивая поводья:

– Послушай, Уида, у твоего отца, часом, нет другой дочери? Какой-нибудь младшей, дурнушки?

– Ты сказал, Талиессин отправился куда-то в пустоту, в никуда, – заговорила она возбужденно, блестя влажными зубами. – А где, по-твоему, может находиться эта пустота?

– Где угодно, – сердито отозвался он.

– Нет, Эмери, ты сильно ошибаешься, – возразила Уида. – Пустота не бывает на пустом месте. Ха-ха! У каждого человека есть собственная пустота. Никто в здравом уме не ста-

нет прятаться в чужой, коль скоро имеется своя. Подумай о Талиессине. Кто он, какой он. Ну?

– Талиессин принц из эльфийской династии, – нехотя начал Эмери. И вдруг понял, к чему клонит Уида. – Ты хочешь сказать, что он в конце концов непременно окажется в Медном лесу? Там, где все начиналось, где король Гион встретился с Ринхвивар?

– Нет сомнений. – Она тряхнула головой. – Даже если у него и в мыслях не будет туда поехать, Чильбарроэс все равно увидит его в своем сне. – Уида звонко щелкнула пальцами. – И готово дело! Медный лес место, где эльфийские короли зализывают раны, где они встречаются с возлюбленными, где они бывают счастливы и несчастны… И Приграничье там ближе всего подступает к самому королевству.

Она забралась в седло с ногами, устроившись, как кочевник, на корточки. Лошадь лениво шла по дороге, кося глазами на причудливую всадницу.

– Я стянула в трактире две колбасины, – сообщила Уида, шаря у себя под платьем. – Широкие рукава – прелестное изобретение человечества. Бедный покойный Кустер, несомненно, знал в этом толк.

* * *

Талиессин смотрел, как трое крестьян снимают повешенного господина Алхвине. В воздухе болтались руки убитого, и Талиессин вдруг узнал их. Лицо Алхвине изменилось, когда из него ушла жизнь, а вот руки остались прежними. Даже пятно от чернил на сгибе пальца и зигзагообразный шрамик на тыльной стороне левой ладони. Талиессин вспомнил этот шрамик, он еще в детстве этому удивился: состоятельный человек, много пишет и читает – и вдруг ранка.

Человек, который понравился матери Талиессина, был отмечен ее личной наградой. Теперь он лежал на земле, изуродованный, изломанный. Совершенно неповинный в том, что глупая баба родила шестипалого младенца. Талиессин знал, что в деревнях нередко заключают браки между родственниками: боятся потерять имущество. Не землю, понятное дело, а какую-нибудь корову поделить не могут или денег на постройку нового дома жалеют.

Он привык презирать крестьян за это. Он, обреченный жениться на нелюбимой женщине ради эльфийской крови. Ему потребовалось убить человека, чтобы стать одним из них, из тех, кто внизу, выросших в грязи, суеверии и невежестве. Сейчас Талиессин, кажется, ничем не отличался от Радихены.

Бунт стремительно превращался из младенца в мальчика, из мальчика – в юношу, из юноши – в зрелого мужа: бунту исполнилось уже полтора дня, срок немалый. Скоро о случившемся станет известно, и из столицы прибудут солдаты.

Нужно торопиться.

Господина Алхвине похоронили там, где некогда находилась одна из стеклянных сфер; место могилы разровняли и затерли ногами, чтобы никто никогда не нашел его. Талиессин смотрел издалека, как пять или шесть крестьян сосредоточенно топчутся над прахом их убитого господина. Принц пытался понять, что он чувствует, но нашел одну только пустоту: он не оправдывал этих людей, но больше и не осуждал их. Он просто был одним из них, вот и все.

Та девчонка, Хейта, снова оказалась рядом. Глаза ее беспокойно шевелились в орбитах, она перебирала босыми ногами, не в силах устоять на одном месте.

– Что? – спросил Талиессин, чуть наклонившись к ней с седла.

Она вцепилась чумазыми пальцами в гриву коня. Зашептала:

– А ты будешь сегодня со мной спать?

– Нет, – ответил Талиессин.

– Ну, – сказала Хейта и почесала за ухом. – Понятно. – И засмеялась. Ее горло подрагивало, как у птицы. – А когда мы его вешали, он плакал.

– Тебе его не жаль?

– Нет. Младенчик-то, видал? Нет, не жалко. У него своих детей нет, ему все равно.

– Младенчик, да, – выговорил Талиессин. – А кто убил шестипалого?

– Мужчины, – сказала Хейта. От нее тянуло жаром, как от печки, и пахло горчим телом. – Они сперва ребенка отобрали и убили, а после – господина Алхвине. А он плакал.

– Я бы на его месте тоже плакал, – сказал Талиессин и засмеялся.

Хейта улыбнулась ему, потерлась головой о его колено и убежала.

Талиессин еще раз объехал усадьбу. К нему подходили люди, спрашивали, что делать с тем, с этим, Талиессин отвечал. Затем услышал шум и, быстро развернув коня, помчался туда.

Человек десять стояли перед разрушенным господским домом. Из-под черного бревна торчали обугленные ноги: там лежал кто-то из прислуги. Ни бунтовщики, ни те, кто к ним явился, не обращали на это ни малейшего внимания.

Талиессин, растолкав конем толпу, выбрался вперед.

– Что здесь? – властно спросил он.

Один из зачинщиков ответил:

– Из соседнего имения люди. Спрашивают, как им поступать. Мы тут обсуждаем.

– Обсуждать нечего! – закричал Талиессин. И повернулся к пришлым: – Убирайтесь, откуда пришли! Здесь наше дело, не ваше!

– Мы вот рассудили, – заговорил один из вновь пришедших, – когда зарево увидели, что у вас тут мятеж. Да? Мятеж. И господина убили, мы уже узнали. Да?

– Да, – сказал Талиессин, хмуря брови. – У нас-то мятеж, а вы при чем?

– Ну вот, – продолжал этот человек, нимало не смущаясь и не пугаясь нахмуренных бровей всадника. – Мы так рассудили: мы чем хуже? Одна деревня – сила, две деревни – две силы.

– Нет, сказал Талиессин. – Это наш бунт, а не ваш. У вас шестипалых младенцев не нарождалось. Вам здесь не место. – Он приподнялся на стременах и громко продолжил: – Задурят две деревни – солдат пришлют вчетверо больше. С одним отрядом мы справимся, а попробуй-ка с четырьмя!

– Ты-то сам кто такой? – осведомился у Талиессина пришлый крестьянин, упрямо не желая сдаваться и соглашаться с доводами. – Откуда тебе знать про четыре отряда?

– Оттуда, – сказал Талиессин, – что это не первый бунт у меня. Я знаю.

Тут люди из имения Алхвине заволновались, зароились вокруг своего всадника.

– Это наш, это нашенский, – стали наступать они на пришлых. – Вы что его задираете? Он-то наш, а вы кто? Он дело говорит. Придут солдаты, как быть?

– Ступайте по домам, – приказал чужим крестьянам Талиессин.

А бывшие люди Алхвине добавили:

– Ступайте, пока вам добром говорят. Ступайте!

И те, ворча, ушли.

Так Талиессин в первый раз задумался над завтрашним днем, ибо назавтра бунт превратится в старика, одержимого множеством болезней, и следовало позаботиться об этом заранее.

Закат уже подступал, предметы начали расплываться в сумеречном воздухе, и Талиессин в последний раз объехал разоренное имение, осматривая, не осталось ли чего-нибудь, что необходимо сжечь, втоптать в землю, уничтожить, убить.

Тишина готова была утвердиться в уставшем мире, и новый взрыв криков показался Талиессину сейчас болезненно неуместным. Он подтолкнул коня коленями. Он и сам не мог бы сейчас объяснить, почему так торопился туда. Ему просто хотелось поскорее прекратить шум.

– Гляди, Гай! – заорал кто-то, завидев Талиессина.

Он вздрогнул: он и забыл, что назвался перед Хейтой именем своего отца.

– Гляди, кого поймали! Это он – второй. Тот, шпион. Помнишь, ты предупреждал? Нашли… Теперь – все, теперь нет большой опасности.

К Талиессину подтащили какого-то человека, опутанного сеткой – с такими браконьеры ходят на мелкую Дичь.

– Вот Гай, смотри! – весело надсаживался какой-то бородач (должно быть, это он и браконьерил в былые времена при попустительстве рассеянного и ученого господина Алхвине). – Какова скотина! И вооружен был, сетку резать пытался.

Талиессин холодно посмотрел с высоты седла на заданного в сетке человека. Лицо у Алатея было разбито, он таращился на Талиессина сквозь сетку и пытался заговорить, но расквашенные губы не слушались.

Талиессин повернулся к своим соратникам.

– Да, это он – Алатей. Второй шпион. Молодцы, что выследили!

Человек в сетке яростно забился. Должно быть, понял, чей меч сейчас у Талиессина, на чьем коне он сидит.

Талиессину довольно было на один только миг встретиться взглядом с пленником, чтобы понять: тот мучается от бешенства, от бессилия, от непонимания. Талиессина забавляло это. Забавляло, пожалуй, еще больше, чем внезапный испуг Сафрака.

Алатей искал раздавленного горем избалованного мальчика, сторонящегося людей. А перед ним был главарь мятежников, с черным пятном сажи на щеке, с жуткими кровоточащими шрамами от середины скулы до подбородка. И этот главарь ухмылялся во весь рот.

– Ты ведь меня искал, Алатей? – Талиессин засмеялся. – Ну, рассказывай: рад ли ты, что нашел меня?

Алатей сжался, как будто собирался прыгнуть, а потом, надсаживаясь, заверещал из сетки:

– Люди! Вы хоть знаете, кто он? Кого вы слушаете? Кто он такой – вы знаете? Знаете?

Бородач браконьер, широко улыбаясь Талиессину, стук-

нул пленника кулаком по макушке. Алатей крякнул, прикусив язык, и только глаза его зло сверкали.

Над горизонтом, перебивая тихое свечение заката, показалась желтая луна – Стексэ. Ее отчетливо вычерченные края пылали оранжевым. Сегодня она была особенно большой и яркой. Талиессину вдруг показалось странным, что Алатей не отрываясь смотрит на нее.

А Алатей думал: «Столкновение лун возможно. Случится взрыв… Я никогда этого не пойму, но одно знаю точно: если они столкнутся, не останется ни Ассэ, ни Стексэ. Наводнение, буря… и пустота. Не будет одной большой луны. Только пустота».

– Где его меч? – спросил Талиессин, оглядываясь на своих людей.

Ему показали отобранный у Алатея меч. Талиессин быстро осмотрел клинок, двойник того, что был у Сафрака, и протянул бородачу:

– Убей шпиона, а его меч оставь себе. Хороший меч, верно?

И повернулся к происходящему спиной.

Нужно было решать, как провести завтрашний день.

* * *

– Эта дорога – на Мизену, – говорил, показывая рукой на хорошо вымощенную дорогу, хозяин маленькой харчевни, где Эмери и Уида остановились на ночь. – А вон тот проселок, – неопределенное вращательное движение кистью, он точно уходит дальше к границе.

– Какой проселок? – спросил Эмери, щурясь.

Он вышел вместе с хозяином на дорожку перед харчевней и рассматривал идиллическую местность. Никакого проселка здесь не было и в помине: хорошо возделанные сады, домики за оградами, несколько каменных строений: мельница, общественный амбар, большой скотный двор, принадлежащий какому-то богатею, живущему в Мизене. И одна-единственная дорога, вымощенная деревянным брусом, что вела от столицы в Мизену.

Был вечер, и неестественно яркая Стексэ нависала над горизонтом. Неожиданно Эмери почудилось, будто он улавливает запах гари.

Молодой человек насторожился.

– У вас поблизости горят леса?

– Нет, – хозяин покачал головой, – с лесами все в порядке, а вот одна деревня точно сгорела… Дела там обстоят скверно, потому я и говорю, чтобы вам проселком не ехать.

Ничего подобного хозяин прежде не говорил – и, вероятно, не заговорил бы об этом, если бы Эмери не спросил о запахе дыма.

– Я не вижу никакого проселка, – начал было Эмери, но

хозяин перебил его:

– Отсюда не видать, он дальше, за мельницей. Но если той дорогой ехать, то путь пройдет как раз мимо деревни, где скверно, а чужакам туда лучше не заглядывать. Туда и свои сейчас не ходят. Дней несколько бы переждать, пока солдаты не подойдут. – И посмотрел на Эмери с почти искренней заботой: – Я не ради приработка советую: вижу уж, что на вас с вашей дамой много не заработаешь; я о вас беспокоюсь. Знаете, – задумчиво прибавил он, – иной раз кормишь-поишь человека, а спустя день – ну, предположим – находят его убитым где-нибудь. Смотришь и думаешь: «Только что у меня в харчевне пиво пил – а теперь вот ни на что не годен, одно воспоминание…» Всегда не по себе от таких вещей.

– Что там, в конце концов, происходит, в той деревне? Расскажите, – попросил Эмери. И добавил вполголоса: – Рассказывайте как есть – мне можно довериться.

– Да уж вижу, вам-то можно, а вот спутница у вас, мой господин, – перец в кипятке. Как вы с ней уживаетесь?

– А я с ней и, не уживаюсь, – ответил Эмери. – Терпеть ее не могу.

– Ну, так-то, не по-доброму, – так ведь тоже не стоит, – внезапно переменил свое мнение хозяин. Очевидно, неодобрительно отзываясь о нраве Уиды, он рассчитывал вызнать о ней какие-нибудь пикантные подробности. – Все-таки она женщина. Видная женщина, я имею в виду.

– Вот и бедный покойный Кустер так говорил: «Видная», –

вздохнул Эмери. – Расскажите лучше подробней о той деревне, что горела.

– Бунт, – понизив голос, сообщил владелец харчевни. – Хозяина убили и все вокруг спалили. Все подчистую.

Эмери вздрогнул.

Хозяин сразу заметил это:

– А, вас уже и в дрожь кинуло. Вот и я говорю: плохо там. Главарь у них – головорез, двух человек собственными руками прикончил.

– В столицу дали знать?

– А как же! – Хозяин почесал бровь с исключительно задумчивым видом. – Обязательно. Сообщили в столицу. Скоро солдаты прибудут. Непременно прибудут и разберутся на месте. Другие деревни побаиваются, а этим, бунтарям, – им уже ничего не страшно, они свое злое дело сделали. Впору только сидеть и ждать расплаты. И хозяин-то у них, кстати, был добрый. Больше научными изысканиями был занят, чем своей землей и людьми. Надо было поприжать, а он, наоборот, – распустил.

– Как его звали?

– Господин Алхвине. Странный был человек, но, по моему мнению, зла никому не хотел. Жаль, что убили. Вот так всегда: живешь-живешь, а потом…

Хозяин махнул рукой. О господине Алхвине он сожалел весьма отвлеченно, поскольку господин Алхвине никогда не пил пива в маленькой харчевне и не угощался здесь жареной

птицей на вертеле. И даже здешние пироги с ягодой его не приманивали.

Эмери тоже не знал господина Алхвине, но имя запомнил, чтобы потом справиться у дяди Адобекка: тот наверняка расскажет о нем что-нибудь интересное.

Неожиданно Эмери услышал шорох за спиной и обернулся. Уида стояла в дверях с отсутствующим видом и любовалась луной на фоне заката.

– Подслушиваешь? – осведомился Эмери.

Она пожала плечами.

– Надо же как-то скоротать мои девичьи будни… Стало быть, там, куда мы направляемся, – кровавый бунт, и главарь у негодяев – из головорезов первейший головорез?

Хозяин исподлобья поглядывал на женщину, не отнимая палец от брови, и помалкивал. Ждал, как ответит Эмери.

Эмери же сказал:

– Поедем обходным путем.

– Ты сумасшедший? – Уида так и вскинулась. – Ты намерен пропустить бунт?

– В каком смысле – «пропустить»? – не понял Эмери. – Там ведь не лошадиная ярмарка, Уида, там людей убивают.

Она поморщилась.

– Ну, убили кого-то… Может, он был плохой – этот, кого убили?

– Мы поедем обходной дорогой, – повторил Эмери.

– Обходной-то дороги, пожалуй, нет, – вступил хозяин. –

Только одна здесь дорога, если вам к границе. Дальше опять развилка, но мимо той деревни проехать придется.

– Рискнем? – Глаза Уиды блеснули.

– Отправляемся завтра, – сдался Эмери. – Нужно выспаться.

Он надеялся, что к утру прибудут солдаты из столицы и с бунтом будет покончено.

Глава четвертая
ТАЙНАЯ КРЕПОСТЬ В МЕДНОМ ЛЕСУ

Эмери был разбужен грохотом, который раздавался отовсюду, – весь мир, казалось, полнился мириадами неблагозвучных стуков: за окном гремели копыта, бубнили не в лад барабаны, гоготали голоса, а в дверь комнаты колотил чей-то негодующий кулак.

– Эмери! – закричала Уида.

Ее вопль, пусть и пронзительный, резкий, был сейчас единственным, что не являлось грохотом, и Эмери ощутил подобие благодарности к неугомонной девице.

– Ты спишь? – опять крикнула она и пнула дверь ногой.

Эмери поднялся с кровати и, пошатываясь, добрел до двери. Отодвинул задвижку. Уида, в необъятной белой рубахе, босая, еще размякшая спросонок, упала в его объятия.

– Видал? – спросила она, укладывая голову на его плечо и поглядывая на него блестящими глазами.

– Что?

– Солдаты.

Она отскочила от него, схватила за руку, подтащила к окну, ударом кулака распахнула ставни.

По дороге, в сторону невидимого отсюда проселка, дви-

гался отряд – человек пятьдесят, и десять из них конные. Эмери молча смотрел на них, и ничем не объяснимая тревога охватывала его все сильнее. В музыке, которую он теперь ясно слышал в стуке, грохоте и гомоне, звучала главенствующей темой лихая обреченность. В бравурной тональности явственно слышалось: «Мы славно все умрем…»

Эмери закричал:

– Капитан!

Но ни один из проходивших мимо не обернулся в сторону окна.

Эмери уселся на кровать, Уида с размаху плюхнулась рядом. Так они и посидели немного рядком, как двое добрых приятелей.

Эмери сказал:

– Если ты права, Талиессин сейчас в безопасности.

Уида изогнула брови.

– Он в Медном лесу, в чем у меня нет сомнений; но в безопасности ли? – покачала головой эльфийка. – Поблизости мятеж. И в столице этот мятеж сочли достаточно серьезным, чтобы прислать сравнительно большой отряд. Знать бы, что там происходит, в этой деревне! – Уида запустила руки в свои распущенные волосы, растрепала их еще больше, словно надеясь таким образом стряхнуть с себя остатки сонливости. – Надо было вчера туда поехать и все выведать. А теперь уж поздно. Скоро там начнется… а-а-а… – Она не удержалась и зевнула, но все же закончила фразу: – …кровавое ме-

сиво.

Эмери молча смотрел на нее. Он явно не поспевал за ходом ее мыслей. Может быть, потому, что она все-таки успела проснуться, а он еще наполовину плавал в сонных грезах.

Уида сказала:

– Давай рассуждать. Солдаты разгонят мятежников. Те побегут спасаться. Куда?

– В лес, – сказал Эмери.

– Кого они там могут встретить? – продолжала Уида, пристально всматриваясь в лицо своего собеседника.

– Талиессина…

– Нет, Эмери, – поправила Уида со вздохом, – они встретят там эльфа. Понимаешь теперь? И поблизости не будет никого, кто сможет защитить его. Разве что мой отец и король Гион окажутся неподалеку… если только они не уехали куда-нибудь развлекаться в компании с бедным покойным.

– А такое возможно?

– Что возможно? – Уида усмехнулась. – Что король Гион и мой отец уехали развлекаться? И Кустера с собой прихватили? Да разумеется! Они и в прежние времена нередко исчезали на несколько лет, а уж теперь, когда у них появился новый приятель, которого можно дурачить, пугать и удивлять, – теперь, я думаю, и подавно! А ты не знал? Как ты полагаешь, почему я постоянно в ссоре с моим отцом?

– Потому что вы с ним похожи, – сказал Эмери.

– Вероятно, – сморщилась Уида. – Не хочу это обсуждать.

– Как тебе угодно. Ты ведь первая об этом заговорила.

– Ну вот, началось… – Всем своим видом она изобразила тоскливую досаду. – «Ты первая начала!» – «Нет, это ты первый начал!»… Печальные воспоминания детства. Впрочем, у тебя есть брат, тебе это должно быть понятно.

– Нет, – сказал Эмери.

– Что – «нет»? – вскинулась Уида. – Нет брата? Мне-то можешь голову не морочить, я ведь имела удовольствие наблюдать вас вместе.

– Ну да, – сказал Эмери. – Брат у меня есть. И ты достаточно долго видела нас вместе, чтобы заметить, что мы не ссоримся.

Уида махнула рукой.

– Это вы нарочно изображали, чтобы мне досадить. А еще говорят, будто мужчины не мелочны и им, дескать, чуждо коварство!

– Да, – подтвердил Эмери, – мы, мужчины, дьявольски коварны. Кстати, почему ты расхаживаешь в одной рубахе? Нам скоро выезжать.

Она сверкнула улыбкой.

– Так ты согласен? Со всеми моими предположениями? И со всеми доводами? Вообще – со мной? Целиком и полностью?

– Да, – ответил Эмери. – Поступим по-твоему. Сперва заглянем в деревню, чтобы убедиться…

Он осекся, не в силах выговорить то, что пришло ему на

ум.

Уида спокойно завершила:

– Чтобы убедиться в том, что Талиессина там нет и что он не пострадал во время мятежа.

– Да, – Эмери кивнул, – а после, не дожидаясь солдат, отправимся в Медный лес…

Уида с задумчивым видом жевала свой локон. Заметив, что Эмери наблюдает за ней, выплюнула волосы и сказала:

– Вот и мне почему-то не хочется, чтобы солдаты обнаружили Талиессина раньше, чем его встретим мы. Сама не могу объяснить, откуда такое предчувствие…

* * *

Человека, командовавшего солдатами, звали Мельгос. О мятеже ему было известно не многое. Только то, что сообщили отряду перед отправкой из столицы: убийство землевладельца, поджоги, грабеж. Так он и сказал двум знатным господам, которые догнали отряд уже возле самой деревни.

Знатные господа, мужчина и женщина, были встревожены. Они отправились в путешествие, как они заявили, наедине, дабы укрепить свои брачные узы. Поэтому они не взяли с собой даже слуг. Дама, в богатом дорожном платье, добавила при этом:

– Разумеется, мы отдавали себе отчет в том, что возможны разного рода приключения… Но не настолько же отвратительные! К тому же это просто опасно.

Ее лицо, неправильное, но очень привлекательное, глядело из-под покрывала ясно и простодушно. Мельгос был очарован.

Он ответил с поклоном:

– Мы сделаем все возможное, госпожа, чтобы ваше приключение не стало отвратительным. Вероятно, было бы разумнее избрать другую дорогу.

– Нет, – вмешался Эмери, – мы не намерены отступать от нашего первоначального плана. Подобное отступление испортило бы нам настроение. К тому же теперь, когда нам стало известно о здешних неприятностях, мы желаем убедиться в том, что бунт подавлен.

– Можете не сомневаться, – заверил Мельгос. – Даю вам слово.

– Я уверена в том, что вы сделаете все, дабы это слово сдержать, – заявила Уида, – однако обстоятельства могут оказаться сильнее. Мне уже разок доводилось видеть, как это бывает. Однажды мой покойный брат, его звали Кустер, дал мне слово, что поймает для меня хорька – я непременно желала иметь ручного хорька. Положим, я поверила брату и уже приготовила для своей комнаты вышивку: «Здесь живет хозяйка хорька». И что же? Той же ночью, как он ушел на ловитву, он оступился в темноте и сломал себе шею.

– Не слушайте мою жену, – перебил Эмери, – она весьма огорчена смертью своего брата.

– Да, понимаю. – Мельгос глянул на Эмери с мимолетным сочувствием. – Каждый переносит горе по-своему. Бывают весьма странные способы. Это очевидно.

– Поэтому, – очаровательно улыбаясь, заключила Уида, – мы непременно желали бы посмотреть, как вы усмиряете бунт. Хорошо? Мы постоим в сторонке.

– Боюсь, сударыня, что вид этих людей… э… – Мельгос поперхнулся.

Уида схватила его за руку.

– Ерунда! Я отлично знаю, что бунтовщики, если их схватить, выглядят как самые обычные люди, только еще более жалкие.

– Это, госпожа, я и хотел сказать, – с достоинством объявил Мельгос.

Он уже понял, что от попутчиков не избавиться. Он не мог запретить им ехать по той же дороге, не мог арестовать их и отправить восвояси. К тому же и этот Эмери держался так, словно имел связи при дворе, – стоит ли раздражать его?

Мельгос сказал ему:

– Защищайте вашу спутницу сами. У меня вряд ли хватит солдат для того, чтобы охранять такую… м-м… оживленную даму. Если она окажется в гуще событий, то, боюсь, я могу оказаться бессилен…

Эмери молча кивнул. Мельгос сжал его руку и отъехал в

сторону.

Деревня открылась сразу за поворотом. Здесь действительно начинался проселок, отметил Эмери. Уида остановила коня и громко, весело свистнула. Перед ними лежали руины. Вялый дым поднимался в воздух. Воняло перегаром, от горечи першило в горле. У бунта началось похмелье.

Первыми в деревню вошли всадники. Кони брезгливо ступали среди развалин, обходили горы битого стекла, поднимали тучи пепла.

Уида быстро оглядывалась по сторонам.

– Я не вижу здесь никаких мятежников…

– Может, они прячутся? – шепнул Эмери.

Уида покачала головой.

– Нет, они ушли. Здесь только женщины и старики, да еще несколько мужчин, которые не боятся за себя.

Действительно, скоро из одного из уцелевших домов послышались плач и отчаянные крики. Солдаты вытащили наружу женщину с мятым покрывалом поверх встрепанных волос. К ее юбке прицепились двое чумазых мальцов, а следом бежал нескладный мужчина и невнятно ругался.

– Ушли! – отчаянно кричала женщина, отрывая от себя мальцов и делая мужчине непонятные знаки. – Ушли, все ушли!

Мельгос наклонился к ней с седла. Она вдруг заметила высоко в небе всадника и перепугалась. Присела, замолчала, двигая губами.

– Куда они ушли?

Женщина молчала, прибитая к земле ужасом.

Мужчина сказал:

– Что вы к бабе прицепились? Меня спросите.

Он, конечно, знал, что солдаты держат его на прицеле: добрая половина пеших в отряде была вооружена луками.

– Они ушли в Медный лес. Здесь только крестьяне. Не всем бунтовать охота, кто-то хочет просто жить. А вы как думали?

И он вздохнул.

Мельгос спросил:

– Где господин Алхвине?

– Повесили его, – сказал тощий мужчина.

– Где тело?

– Закопали.

– Куда закопали?

– Не знаю. Тут один распоряжался, он и приказал.

– Кто распоряжался? – Мельгос насторожился.

– Не знаю. Похож на пришлого, но такой уверенный! Без него, пожалуй, вы нас всех бы поубивали, а так – глядите-ка, чтобы вас самих тут всех не поубивали. Он это дело хорошо знает.

Мельгос задумался. Потом уточнил:

– Так это он увел отсюда мятежников?

Тощий мужчина покивал:

– Забрал всех, кому это понравилось, и скрылся. Умно

придумал! Здесь против вас оборону не выдержать, а у него поблизости присмотрена целая крепость. Так он сказал.

– Кто он такой? – Мельгос становился все более озабоченным.

Крестьянин пожал плечами.

– Мне-то откуда знать?

– Он ведь как-то назвался? Каким именем?

– Сказал, его зовут Гай.

Имя ничего не говорило – ни Мельгосу, ни Эмери, ни Уиде. Они недоуменно переглянулись.

– Должно быть, какой-нибудь ополоумевший капитан, дезертир из числа бывших наемников Ларренса, – прошептал Эмери.

Мельгос стал мрачнее тучи. Прямо у него под носом появилась готовая шайка разбойников. Если теперь Мельгос не настигнет этого Гая с его бандитами, каждое убийство, совершенное ими, каждый грабеж лягут на совесть Мельгоса и отяготят ее до скончания дней. Нужно было торопиться.

* * *

– Любой из оставшихся в той деревне может быть виновным, – говорил Мельгос, обращаясь преимущественно к Эмери, хотя Уида ехала рядом и внимательно ловила каж-

дое слово. – Но что мне делать? Задержаться в деревне на несколько суток и допрашивать каждого?

– Нет, это было бы бессмысленной тратой времени, – сказал Эмери. – Мужланы лукавы и бывают на удивление тупы. Особенно когда им это выгодно. – Он усмехнулся. – Не думайте, я вовсе не презираю их. Скорее наоборот: отдаю дань уважения их хитрости. Непроходимая тупость – вот то оружие, которым они легко отбивают любые атаки умников.

– Согласен, – сквозь зубы проговорил Мельгос – Стало быть, пусть у нас в тылу остаются возможные враги?

– Гай забрал с собой лучших, – вмешалась наконец Уида. – Те, что остались, для него бесполезны и, следовательно, практически безопасны для нас.

– Они, скорее всего, будут проданы на север, – произнес со вздохом Мельгос. – Разобщены, разбросаны по разным поселкам. Если это будет зависеть от меня, я дам настоятельную рекомендацию при продаже разбивать семьи.

Эмери молчал. Он думал о Радихене. «Как правило, самых злых врагов мы создаем себе сами, размышлял он. – Впрочем, кто поручится за то, что герцог Вейенто не делает сейчас того же самого? Хотел бы я знать, как выглядит тот враг, который, возможно, уже скоро выйдет из его наковален отточенным, точно меч!»

Проселок незаметно завел их в лес. Эмери показалось, что деревья сами собой вдруг выросли вокруг, а дорога рассыпалась на мириады тропинок между стволами. Люди и кони по-

шли медленнее. Уида озиралась по сторонам, жадно втягивая ноздрями лесной воздух: она откровенно наслаждалась поездкой.

– Я знаю, – проговорила она тихо, поймав взгляд Эмери, – что скоро здесь может произойти сражение, многие люди умрут… Но мне трудно думать об этом. Такие, как я, мы не умеем беспокоиться заранее.

– Где-то здесь находится он. Тот, кого мы ищем, – еле слышно шепнул Эмери. – А если он по какой-нибудь глупой случайности погибнет, то…

Уида вздрогнула и на миг стала серьезной, а затем блаженная улыбка вернулась на ее лицо.

– Но ведь этого еще не случилось, – отозвалась девушка. – И до тех пор, пока вообще ничего не случилось, Эмери, позволь мне просто дышать полной грудью!

Он молча отвернулся. И застыл. Перед ними находилась та самая скрытая крепость, о которой упоминал крестьянин в сгоревшей деревне: высокий деревянный частокол, скрывающий некое строение. И было совершенно очевидно, что недавно здесь уже побывали какие-то солдаты. Под стенами маленькой крепости виднелись обрывки старой палатки, наполовину сгнившей после дождей. Толстый ковер прошлогодней и позапрошлогодней листвы и темной хвои был разрыт – по нему долго топтались люди и кони. Осталось несколько больших кострищ, и посреди одного валялся солдатский котелок с пробитым донышком.

– Мы пришли, – сказал Мельгос, спешиваясь. И оглянулся на «молодоженов»: – Похоже, мы застрянем тут на некоторое время, так что, если вы останетесь с нами, ваше путешествие изрядно затянется. Не передумали? По-моему, вам лучше было бы оставить отряд.

Уида перестала улыбаться. Она осматривалась по сторонам с таким видом, словно прикидывала: как лучше штурмовать выросшее перед ней укрепление. Заметив, что Мельгос не сводит с нее взгляда, она проговорила:

– Обойти крепость и поскакать дальше – так поступают только кочевники пустыни. Хвала небесам, мои предки родились на обычной земле, среди травы, а не в песках. Нет уж, господин Мельгос, я задержусь на неопределенный срок и посмотрю, как вы возьмете эту крепость.

Эмери вздохнул и сказал, обращаясь к капитану:

– Крестьянский бунт посреди королевства – это, по-моему, оскорбительно. А вы как находите, господин Мельгос?

* * *

– Они пришли, Гай! – возбужденно крикнула Хейта, врываясь в комнату, где расположился Талиессин с десятком своих приближенных.

Некогда это был пиршественный зал в охотничьем доми-

ке короля Гиона. Очень давно, столетия назад, здесь собирались молодые люди, утомленные долгой скачкой по лесам и неравной схваткой с каким-нибудь свирепым кабаном. Здесь выпивались моря отменного вина и съедались горы свежайшего мяса. Где-то на одной из мозаичных картин затерялся портрет самого короля Гиона: он был изображен среди множества юных всадников, богато разодетых и всячески разукрашенных; но который из них был он – не мог бы определить сейчас никто, разве что Чильбарроэс.

Несколько оленьих голов с огромными ветвистыми рогами висели на стенах справа и слева; в центре комнаты красовался гигантский пиршественный стол. На столе, на скамьях вокруг него и на полу спали вповалку люди, которых Талиессин забрал с собой из деревни, уводя от неизбежной расправы. Самые молодые и сильные мужчины, самые озлобленные из тех, кто взбунтовался.

Женщина была с ними одна – Хейта. Талиессин, который прежде никогда толком не разбирался в людях, сразу определил в ней не столько юную девушку-подростка, сколько вздорное бесполое существо, склонное к хаосу: только посреди мятежей и беспорядков уверенно колотилось ее маленькое сердечко; мирная жизнь медленно убивала ее.

Хейта как будто впервые родилась на свет только тогда, когда вспыхнули первые искры пожара. Из бесформенного комка глины вытянулись ножки и ручки, тонкие, прохладные, липкие от возбуждения; загорелись хищные глазки, вы-

ставились в улыбочке остренькие зубки.

Из полусна, в котором протекли первые четырнадцать лет ее жизни, она восстала, ликуя, и сразу узрела перед собою божество, что призвало ее к полноценному бытию: человека, который назвал себя Гай.

Пылая любовью и благодарностью, она размышляла о нем целый день и всю ночь и утром сказала ему:

– А я думала-думала и теперь знаю.

– Что? – спросил он, болезненно щуря глаза.

– Гай – неполное имя. Уменьшительное. Да?

– Да, – сказал Талиессин.

– А какое полное?

«Гайфье», – хотел было ответить Талиессин, таким сильным оказался ее напор, но вовремя смолчал: назваться Гайфье означало практически выдать себя.

– Думай дальше, – сказал он.

И она отошла, покусывая палец.

Талиессин вспомнил об охотничьем домике, когда солнце окончательно скрылось за горизонтом и обе луны утвердились на небе. Он объявил людям, что знает в лесу хорошее укрытие.

– Уйдем все! – кричали кругом, волнуясь. – Завтра придут солдаты, уйдем все!

Женщины напирали на него, раскрывая рты, и он видел их потемневшие, раскрошенные зубы, и почему-то его втайне утешала мысль о том, что такими зубами они не смогут его

разорвать.

– Забери всех! – надрывались они. – Ты ведь знаешь, что с нами сделают солдаты!

– Тихо! – заорал Талиессин, оттесняя их крупом коня. – Ничего они с вами не сделают, вы, курицы! Ничего, ясно вам?

Они притихли, и только в задних рядах кто-то продолжал недовольно ворчать.

Чуть тише Талиессин продолжил:

– Солдаты придут, это точно. Думаю, завтра – сразу после рассвета. В столице уже знают.

Он безошибочно метнул взгляд в ту сторону, где уже зрел вопрос: «А откуда, умник, тебе известно о том, что знают и чего не знают в столице?» – и быстро добавил:

– Это не первый мой бунт.

– Он верно говорит! – крикнули из толпы. – В столице уже все знают, мешкать нельзя!

– Если мы заберем с собой всех, то не успеем вовремя добраться до крепости, – продолжал Талиессин.

И снова его поддержал голос невидимки из темноты:

– Точно, точно! Бабы будут на хвосте висеть!

– Оставим всех, кто сойдет за мирных жителей, – продолжал Талиессин. – Солдаты не станут убивать женщин и детей.

– Почему? – заверещала какая-то женщина совсем близко от Талиессина, и принц почувствовал, как вздрогнул под ним

конь.

– Потому что раньше они этого не делали, – устало сказал Талиессин. – Пусть и мужчины останутся, кто не хочет уходить. Потому что тем, кто уйдет со мной, дороги назад уже не будет: нас всех повесят, если схватят.

– Королева не вешает, – громко сказал какой-то мужчина.

Талиессину подумалось, что он знает, кто сейчас заговорил: невысокий, с ручищами как лопаты, с серенькой лысинкой, проглядывающей сквозь серенькие волосики. Неопределенных лет. Должно быть, этот.

Талиессин криво ухмыльнулся своим мыслям. Вот и настало время проверить, истинный ли он потомок Эльсион Лакар!

– Королева вешает, – уверенно произнес Талиессин. – Я сам видел, как она это делала. Стояла и смотрела, а тот человек дергался и вертелся на виселице. Рассказать?

– Да нет, – равнодушно отозвался прежний голос. – Я и сам знаю, что вешает. Просто тебя хотел проверить.

Талиессин внезапно поднял коня на дыбы. Толпа в темноте шарахнулась.

– Я беру всех мужчин, кто захочет, – крикнул Талиессин, и конь опустился передними копытами на землю. – Оставшиеся пусть ломают дурака, авось им поверят.

– Что ты обещаешь? – снова спросил рассудительный человечек с серой лысинкой.

– Ничего, кроме той крепости в Медном лесу, – сказал

Талиессин. – И еще то, что не оставлю вас.

– А вот в это мы, пожалуй, верим, – сказал рассудительный человечек.

Отряд быстро собрался в темноте, которую рассеивали только лунные лучи, когда им удавалось пробиться сквозь тучи. Талиессин никого не принуждал – решение каждый принимал самостоятельно.

И когда они уже вышли на дорогу и двинулись в сторону леса, кто-то зашлепал босыми ногами по проселку и, догнав Талиессина, вцепился горячими руками в его рукав.

– Гай, возьми меня! Возьми меня с собой!

Он молча подхватил Хейту за руку и усадил в седло. Уткнулся подбородком в ее пыльные волосы, пахнущие мышами. Два широких луча, синий и желтый, скрещивались перед всадником на дороге, и Талиессин, не дрогнув, направил коня прямо в их перекрестье.

Охотничий домик короля Гиона принадлежал герцогу Вейенто. Сейчас это была его земля, его личные угодья. Герцог мог вернуться сюда в любое мгновение, мог прислать своих людей, мог отправить какого-нибудь капрала – проверить, что происходит.

«Что ж, – думал Талиессин, – пожалуй, люди Вейенто были бы сейчас для нас весьма кстати. Мы нанялись бы к нему охранять рудники. Меньше всего дорогому герцогу придет на ум разыскивать принца Талиессина у себя под носом. Да, это было бы забавно… Особенно если кто-нибудь из людей

Вейенто распознал бы в Гае, капитане наемников, эльфа».

По счастью, в охотничьем домике за частоколом никого не оказалось. Только следы недавнего присутствия какого-то военного отряда.

В одной из комнат Талиессин обнаружил разбитую посуду, порванную одежду, пятна крови. Там до сих пор пахло бедой: отчаянием, быть может – неволей. И – полная неизвестность касательно участи тех, чья кровь осталась в доме.

Но Хейта, побывав здесь, пришла в неистовый восторг: она обнаружила несколько дорогих предметов, явно принадлежавших женщине: гребешки, обрывки лент, наборный поясок, туфельки.

– А мужчины еще болтают, будто девочка не может быть бандитом, – ликующе объявила Хейта Талиессину, вплетая мятую ленту в свои косматые волосы.

Он не стал возражать.

Едва только начало светать, Талиессин вышел проверить частокол. Пришлось укрепить несколько бревен и заменить брус на воротах, но в общем охотничий домик действительно выглядел настоящей крепостью. Талиессин остался доволен.

Он пересчитал своих соратников: двадцать четыре человека. Двадцать пять, включая Хейту. В доме им будет тесновато. Кое-что из продуктов обнаружилось в кладовых. По мнению громилы с плоским лицом и крохотными глазками – этот крестьянин, несмотря на свою неприглядную внешность, хорошо считал и отличался на удивление уравнове-

шенным характером, – еды хватит на два дня. «Потом мужички возмутятся», – добавил он с таким видом, словно сам не принадлежал к числу «мужичков».

Его звали Сиган. В деревне у него остались жена и пять детей, но почему-то Сиган о них совершенно не беспокоился. Когда Талиессин спросил об этом, Сиган небрежно махнул рукой: «Надоели».

– Как думаешь, – спросил Талиессин, – скоро ли придут солдаты?

Сиган глянул на розовеющее небо.

– Лучше бы поскорее, – отозвался он. – Мы их тут побьем, съедим здешние запасы, а заодно избавимся от лишних людей…

– И на север, – заключил Талиессин. – Да?

Сиган перевел взгляд на него, коротко рассмеялся.

– Да, – подтвердил он.

Талиессин пожал плечами:

– Я и сам об этом подумывал.

– Вот и договорились, – сказал Сиган и ушел в общую комнату, откуда доносился разноголосый храп.

Талиессин вскоре последовал за ним. Остановился в дверях, рассматривая спящих. Позавчера он еще не знал об их существовании, а сегодня свяжет с ними свою жизнь. Эльсион Лакар могли нарушить любую клятву, только не такую; и с каждым мгновением Талиессин все больше ощущал себя истинным потомком эльфийских королей. «Наверное, все

дело в том, что я оказался в Медном лесу, – думал он. – Здесь слишком жива память о короле Гионе и его возлюбленной. А может быть, я просто взрослею…»

Он медленно обводил глазами своих людей, одного за другим, подолгу задерживаясь на них взглядом. Тот, с серенькой лысинкой, тоже был здесь. И костлявый верзила. И благообразный селянин с кудрявыми волосами, лет тридцати. И еще драчун со шрамом на лбу. Белобрысый подручный мельника. Предстоит запомнить двадцать четыре лица, двадцать четыре имени. Даже если после сегодняшнего столкновения с солдатами некоторые имена и лица ему больше не понадобятся.

Талиессин устроился возле самого выхода из комнаты и сидя заснул – сам не заметил как.

* * *

– Идут, Гай! Они идут! кричала, приплясывая в дверях, Хейта. – Вставайте, берите оружие! Они здесь.

Мужчины зашевелились. Талиессин снял со стены старый охотничий рог и не задумываясь дунул. Из раструба вылетела пыль, за ней – сиплый, сдавленный звук. Талиессин откашлялся и дунул вновь: тревога разлетелась по дому, прочищая головы спящих. Люди вскочили, потянулись к ору-

жию.

– Берите пики, охотничьи луки – кто умеет стрелять; мы слишком долго спали! – кричал Талиессин. – Не бойтесь! Хейта, будешь бросать камни.

– Я умею сбивать птиц из пращи, – похвалилась она, снимая с пояса какую-то грязную, разлохмаченную веревочку с ремешком.

– Умница, – бросил Талиессин. – Убей их капитана, и я сделаю тебя моей любовницей.

Он отправил пять человек с луками на крышу дома, десятерых – защищать ворота, а сам с оставшимися обошел весь частокол кругом. В первый раз они осматривали укрепление при плохом свете, уставшие и вполне могли что-нибудь пропустить.

За частоколом, совсем близко, фыркали кони, слышны были голоса. Один раз что-то стукнуло прямо в частокол; удар отозвался у Талиессина во всем теле: он как раз стоял возле самого бревна, чуть ли не приложив к нему ухо.

– Копьем ткнули, – сказал равнодушно Сиган. Он не отходил от Талиессина, будто взялся охранять его. – Проверяют, не покачнется ли. Решили, должно быть, что частокол у нас ветхий.

– Интересно, что они нам посулят, когда предложат сдаться? – заметил Талиессин.

Сиган посмотрел на него сонно.

– Ничего не предложат… Станут они с нами разговари-

вать.

Талиессин криво улыбнулся. Кажется, он допустил ошибку, рассуждая о своем мнимом опыте участия в мятежах. К счастью, Сиган не стал обращать на это внимания. Не столько личность Гая занимала рассудительного крестьянина, сколько крепость, которую им предстояло удерживать.

– По гладкой стене на колья им не забраться, да и разломать – надо потрудиться. – Сиган по-хозяйски ощущал пару бревен. – Выдержат. Колодец тут есть? Надо бы водой облить, не то подожгут нас… – Он вздохнул перевел взгляд на своего собеседника. – А ты уж как-нибудь постарайся держаться осторожней, Гай. Без тебя мы, пожалуй, пропадем. Когда солдаты уйдут, нам придется быстро удирать на север. И кто же за нас заступится перед герцогом Вейенто, если не ты? Сдается мне, ты ему какая-то родня.

– Если даже и родня, то очень далекая, – сказал Гай. – А если тебе что-то сдается, просто помалкивай. Так будет лучше. Для всех, можешь мне поверить.

Сиган пожал плечами и ничего не ответил.

* * *

– Мы на месте, – уверенно произнес Мельгос, показывая на частокол.

Множество следов пестрело вокруг: здесь, очевидно, совсем недавно побывали люди. Ворота стояли наглухо закрытыми, за ограждением не ощущалось никакого присутствия жизни: было тихо. Крепость затаилась, глухая и немая. В какой-то миг как будто донеслось шуршание быстрых шагов, но оно сразу стихло.

– Как, по-вашему, сколько там скрывается народу? – спросил Эмери. Он стоял рядом с Мельгосом и внимательно осматривал частокол.

– Меньше, чем нас, – уверенно сказал капитан. – К тому же это обычные крестьяне.

– Не вполне обычные, – возразил Эмери. – Судя по делам, которые они наворотили в деревне.

– Да бросьте вы! – Мельгос махнул рукой. – Они в любом случае боятся вооруженных людей.

– Сейчас они и сами, думаю, неплохо вооружены.

– Крестьянин боится солдата. И точка.

– Они больше не крестьяне, – сказал Эмери. – Процесс необратим. Крестьянин, побывавший солдатом, никогда не вернется к своей сохе. Но кто же такой этот Гай, который сумел их организовать? Каковы ваши предположения, капитан?

– Мы с вами это уже обсуждали, и я склонен придерживаться изначального мнения. Гай – отбившийся от стаи профессиональный вояка, – вздохнул Мельгос. – Убьем его – разгоним остальных. Вы пока осмотритесь здесь, а я, если

позволите, вернусь к моим людям.

И Мельгос, оставив Эмери, отправился к солдатам. Эмери слышал, как он отдал приказ набирать хворост.

Эмери подъехал к Уиде: спешившись, эльфийка бродила по траве, рассматривала старые следы, ворошила ногой пепел в костре. Дырявый солдатский котелок со звоном отлетел в сторону.

Лошадь Уиды спокойно паслась в отдалении; девушка знала, что может подозвать ее свистом в любой миг.

При приближении Эмери Уида подняла голову и дружески кивнула.

– Рада тебя видеть. Не сочти за насмешку, действительно рада. Мне как-то одиноко, знаешь? Все эти солдаты – какие-то скучные люди, и капитан у них угрюмый, не находишь?

– Самый обычный, – сказал Эмери.

– Вот именно. Самый обычный. То, чего я не выношу в людях. Ненавижу, когда самые обычные. От таких можно всего ожидать, если ты меня понимаешь.

– Вполне.

Уида тряхнула волосами; под покрывалом звякнули серьги.

– Он попытается поджечь этот частокол, верно?

– Верно.

– Сумасшедший, – сказала Уида.

– Уида, – заговорил Эмери, – мне кажется, пора нам ухо-

дить отсюда. Мы не обязаны смотреть на то, чем закончится крестьянский бунт. Бунты всегда заканчиваются одинаково.

– О, бунт уже закончился, – возразила Уида. – Мы присутствуем при совершенно другой истории. Не обольщайся приятными призраками, Эмери. То, что сейчас делает Гай, он делает не ради крестьянского мятежа, а лично для себя. Сейчас он отобьется от Мельгоса – а он непременно отобьется! – и в окрестностях столицы появится банда.

– Давай уйдем, – повторил Эмери. – Нам нечего здесь делать.

– Боишься? – Она с вызовом сощурила глаза.

Эмери неприятно улыбнулся.

– Просто помню цель нашего путешествия. Талиессина здесь нет.

– Вот это-то и кажется мне самым странным, – признала Уида. – Его здесь нет, и я нигде сейчас не нахожу его следов… а должна бы, ведь он – один из нашего народа.

Глава пятая
ЭЛЬФИЙСКАЯ НЕВЕСТА

Эмери очнулся в темноте, и первым, что он ощутил, была чудовищная головная боль. Он попробовал было пошевелиться, но не смог: руки и ноги отказывали ему в повиновении. Наугад он позвал: «Уида!» – и почти сразу получил ответ:

– Я здесь. Не дергай руками, ты связан.

– А ты?

– Я, разумеется, тоже, – со смешком отозвалась она.

– Где мы?

– Полагаю, внутри крепости, – сказала Уида. – Здесь нет окон, так что время суток определить затруднительно.

Эмери закрыл глаза, и тихие золотистые спирали начали медленно свиваться перед его взором.

– Тебя огрели по голове, если ты интересуешься, – добавила Уида. Как большинство эльфов, она неплохо видела даже в полной темноте, так что состояние Эмери не было для нее загадкой.

– Как это вышло?

– Да так и вышло… – Она вздохнула. – Если говорить честно, я восхищаюсь тем, как эти ублюдки нас разделали. Знаю, это свидетельствует о порочности и извращенности моей натуры, но… Искусство заслуживает уважения.

– Ты говоришь о Гае?

– Именно. А что ты помнишь? – полюбопытствовала она. – Мне всегда хотелось знать, как воспринимают действительность люди, оказавшиеся в эпицентре событий. Мой отец утверждает, что непосредственные участники истории, как правило, знают меньше всех.

– Вероятно, твой отец прав. – Эмери с трудом давалась связная речь, но зато спирали перед глазами исчезли, и голова стала болеть меньше.

– Эй, не спи! – в голосе Уиды вдруг промелькнула тревожная нотка.

Эмери встрепенулся и заговорил опять:

– Мы поджигали частокол, а они лили воду. Там где-то внутри крепости есть родничок, и им хватило воды намочить бревна, а заодно и погасить наши костры. На крыше у них стояли лучники, так?

– Да, только стрелять они не умеют. Напрасно стрелы тратили.

– Откуда у них стрелы?

– Это ведь охотничий домик. Тут всегда хранятся запасы стрел и прочего. Если нам повезет и мы выберемся, я покажу тебе портрет короля Гиона. Ты знаешь, что он очень похоже изображен на одной из картин? Большая кавалькада, несколько десятков молодых и удалых красавцев. И никто толком не знает, который из них Гион.

– А ты знаешь?

– Я его на любом изображении узнаю, в любом обличье, – уверенно объявила Уида. – Ладно, рассказывай дальше.

– Я считал, что Мельгос принял верное решение. Время от времени пытаться поджечь частокол, а так – просто сидеть под стенами и ждать, пока эти ублюдки изголодаются и сделают вылазку. Их вдвое меньше, чем солдат; встретиться с противником в открытом бою при таком численном неравенстве для них чистейшее самоубийство! В общем, приблизительно так мы рассуждали.

– Ага, – сказала Уида. – Я ведь говорила: ненавижу, когда люди самые обычные, без завихрений. Никогда не знаешь заранее, чем может закончиться дело, которое ты ведешь вот с таким «самым обычным» человеком. Верно?

– Я не успеваю за ходом твоей легкокрылой мысли, Уида, – поморщился Эмери.

– Постарайся. Если ты сосредоточишься на моей легкокрылой мысли, у тебя и голова болеть перестанет. Проверенное средство. Ты не знал? Глубокие размышления о том, о сем весьма способствуют укреплению здоровья.

– Уида, ты монстр, – сказал Эмери. – Я совершенно не уверен в том, что по определенным дням ты не превращаешься в жабу.

– Я тоже в этом не уверена, Эмери. Но в рассуждениях Мельгоса имелась серьезная ошибка, это точно. И знаешь, в чем она заключалась?

– В том, что Мельгос – нормальный человек.

– Наконец-то ты начал думать, Эмери. Мельгос – нормальный человек. – В тоне Уиды послышалось легкое отвращение. – А Гай – ненормальный. Поэтому Гай дождался темноты и вместе со своими головорезами выбрался наружу. Ни один здравомыслящий повстанец, запертый в надежном укреплении, не стал бы так поступать. По крайней мере до тех пор, пока у него не закончится еда.

– Возможно, у Гая очень мало опыта, – сказал Эмери.

– Не исключено. – Уида быстро покивала в темноте. К счастью, Эмери ее не видел, иначе у него мучительно закружилась бы голова. – Или, наоборот, очень много опыта. Не важно. Важно другое: он поступил неправильно.

– Где они выбрались? – спросил Эмери. – Ты видела?

– Имела случай наблюдать – разумеется, это случилось не в начале атаки, а много позднее, потом, когда меня тащили в крепость, – с удовольствием поведала она. – Естественно, они выскочили не из ворот. У ворот Мельгос посадил нескольких бдительных болванов, которые благополучно проспали начало атаки. Мятежники вылезали по лестнице с противоположной стороны.

– А, дальше я помню, – сказал Эмери.

– Да, подтвердила Уида. Дальше началась свалка. Масса впечатлений! Сразу ясно, что ты редко бываешь на конских ярмарках, Эмери.

– Не могу утверждать, что сильно сожалею об этом обстоятельстве.

– Прискорбно, прискорбно… Ты многое потерял. Кстати, ты погрузился в небытие, когда тебя огрели дубиной.

– О! – выговорил Эмери. – А тебя?

– Меня, пожалуй, тоже. Этого я не помню. Говорят же тебе, участники событий всегда знают о них меньше всего.

Эмери дернул углом рта. Уида замолчала. Неожиданно Эмери услышал, что она всхлипнула, и встревожился:

– Что с тобой?

– Полагаю, мне все-таки немного страшно, только и всего, – призналась она. И тут же вздохнула: – Не дергай руками, ты связан. Только зря кожу испортишь, потом будет болеть.

Эмери произнес:

– Я ведь должен что-то делать. Спасать тебя.

Помолчав, она ответила:

– А ты знаешь, что солдаты отошли в лес? Здесь только пленные и мертвецы.

– И сколько пленных?

– Понятия не имею.

* * *

Пленных было всего двое: Эмери и Уида. Убитых солдат – пятеро. Раненых оставили на месте; Гай не позволил своим людям добивать их. Сказал:

– Выживут – хорошо, помрут – их собственное несчастье. Мы довольно уже набедокурили.

Убийство господина Алхвине и его слуг Гай с готовностью брал на себя: став частью мятежа, его главой, он не посмел отрекаться от тех дел, что творились в его отсутствие.

Он еще раз обошел поле боя. Было темно, свет обеих лун не проникал сквозь полог леса: Ассэ и Стексэ не поднялись еще достаточно высоко; косые же лучи застревали в листве и лишь кое-где наполняли ее бледным зеленым свечением.

В руке Сигана, шагавшего рядом с Гаем, пылал факел. По знаку главаря Сиган то и дело опускал факел и освещал лицо кого-нибудь из лежавших на земле. Гай нашел тех пятерых из своих людей, о ком точно знал, что они погибнут. Последний из них был еще жив, но Гай видел, что осталось ему недолго – час, быть может.

Гай наклонился над ним, провел пальцами по его щеке, затем выпрямился, подозвал одного из бывших крестьян:

– Посиди с ним, пока он не испустит дух.

– А что делать? – встревожился тот.

– Ничего, просто подержи за руку.

– А если смерть на меня перекинется? – спросил крестьянин, округляя глаза.

– Не перекинется, – сказал Гай.

А Сиган прикрикнул:

– Делай, как велят!

Гай снова закружил по поляне. Он не знал, что или кого

ищет, просто чувствовал, что дела его здесь еще не закончены. Наконец он заметил человека, лежавшего неподвижно. Судя по одежде, это был не солдат. Скорее какой-то путешествующий дворянин, щеголь.

– Этого связать – и в дом, – распорядился Гай.

Сиган не стал ни обсуждать, ни обдумывать приказ.

Нынешняя ночная вылазка потрясла основательный ум крестьянина. Впервые в жизни им удалось силой сломить другую силу. Вешая беспомощного господина Алхвине они ощущали себя шкодливыми котятами, которые точно знают, что за пакостную проделку им не поздоровится, когда придет хозяин. Сражаясь ночью с солдатами пусть сонными, пусть плохо соображающими и не успевшими толком вооружиться, – люди Гая почувствовали себя воинами. Такого с ними прежде не случалось.

– Девку поймали! – донесся радостный вопль издалека, и Гай побежал на голос. Сиган с факелом помчался следом. Лохматый огонь скакал и дергался, и пятно света вихляло перед бегущим Гаем.

Он увидел, как двое крестьян крутят руки высокой женщине. Она отбивалась молча, яростно. Что-то в ее поведении вдруг напомнило Гаю девочку Хейту. Да и в их внешности имелось неуловимое сходство.

«Должно быть, все дело в сложении, – подумал Гай. Обе тощие и никогда не растолстеют. В старости высохнут как хворостины. Говорят, была одна старуха, которая выжила из

ума и иссохла так, что ее считали сухой веткой и держали в углу. Обращались к ней, только когда возникала надобность посечь детей…»

Он и сам не понимал, откуда у него взялось время вспомнить древний анекдот, которым насмешил когда-то мать Талиессина господин Адобекк.

Сиган подбежал с факелом, шумно дыша.

– Погоди, без света не ровен час споткнешься, – пропыхтел Сиган. – Сломаешь себе шею. Говорят тебе, будь осторожнее!

– Не сломаю, – сказал Гай и осекся: он едва не проговорился о том, что хорошо видит в темноте.

Главарь мятежников остановился перед своими людьми. Они почти одолели женщину. Один держал ее за локти, другой тянул за волосы. Покрывало упало с ее головы и смутно белело во мраке.

– Кто такая? – спросил Гай.

Женщина молчала. Ее грудь вздымалась от тяжелого дыхания. Один рукав красивого платья с меховой оторочкой был порван, в прореху виднелась царапина. На загорелом лице поблескивали светлые глаза, свет факела совершенно тонул в них.

– Связать – и в крепость, – махнул рукой Гай. – Я потом с ней поговорю. – Он обернулся и бросил быстрый взгляд на тех, кто поймал женщину: – Пальцем ее не трогайте! Если она важная дама, мы ее хорошо продадим, а если обычная

дура – проучим после того, как она ответит мне на пару вопросов.

– Ясно, – пробурчал один, а другой молча кивнул.

Гай ушел, не оборачиваясь. Женщина пристально смотрела ему вслед, и он чувствовал на себе ее взгляд. Она не вызывала у него ни особенного интереса, ни тем более желания. Сейчас он просто хотел спать.

Наверное, Гай мог бы устроиться на ночлег в какой-нибудь из многочисленных отдельных комнаток охотничьего домика. Здесь имелись недурно обставленные места для уединения. Но Гай предпочел ночевать с остальными, поэтому он просто расстелил плащ под столом, как будто желая скрыться от взоров мозаичного короля Гиона и его развеселой свиты, и растянулся на полу, подложив руки под голову.

Все тело у него ломило, и Гай ощущал, как заботы и усталость минувшего дня переплавляются в его душе в некое необъяснимое веселье. Никогда прежде он не чувствовал себя таким живым.

«Я взрослею, – сонно тянулись в его голове неспешные мысли, – и становлюсь все больше и больше Эльсион Лакар. В эльфах слишком много жизни. Я и раньше не раз думал об этом, но никогда прежде я этим не был… Близость чужой смерти только усиливает чрезмерность моей жизни. Еще одна любопытная особенность. Интересно, она только моя – или так происходит у всех Эльсион Лакар?»

И еще он подумал о женщине, которую крестьяне захва-

тили в лесу. Несомненно, это какая-то знатная дама. Странно, что он никогда не видел ее при дворе. Должно быть, она как раз направлялась к королеве, дабы быть представленной ее величеству.

Загорелая – любопытная особенность. Такой цвет лица бывает у аристократок, которые увлекаются соколиной охотой и верховой ездой. Должно быть, так оно и есть, особенно если вспомнить, с какой бешеной силой она отбивалась от двух мужчин.

Гаю сделалось забавно: он попытался представить себе их завтрашний разговор. Хотелось бы знать, какие мысли бродят сейчас у нее в голове. Можно будет спросить. Наверняка она ответит – она гордая и не станет отмалчиваться. Непременно наговорит ему разных гадостей.

Гай улыбнулся в темноте и провалился в сон.

– Гай! – услышал он знакомый пронзительный голосок.

Крепкие липкие ручки сильно толкали его в бок, тормошили, тянули за волосы.

– Гай! Гай, проснись! Я хочу мое!

Он со стоном приоткрыл глаза.

В темноте, почти совершенно не разгоняя мрак, коптила маленькая масляная лампа. Она освещала только грязную руку: пальцы с черными обломанными ногтями, ссадины, цыпки.

– Что тебе нужно, Хейта? – пробормотал Гай. – Я только что заснул. Давай поболтаем завтра.

– Нет уж, сегодня! – настырно приставала она и, видя, что он снова опускает веки, с силой ткнула его под ребра. – Не спи! Гай!

Он сел, поморгал.

– Поставь лампу на пол, – приказал он. – Из-за этого коптящего уродца я ничего не вижу.

Хейта поставила лампу возле его ноги и растянула рот в плаксивой ухмылке.

– Кто коптящий уродец? Я?

– Нет, лампа.

– Нет, я! Ты меня ненавидишь, да?

– Хейта, я взял тебя в отряд, я не выгнал тебя, даже не заставил умыться. С чего ты вообразила, будто я тебя ненавижу?

– А «уродец»?..

– Я уже сказал, что ты не уродец, – с широченным зевком ответил Гай. – Довольно об этом. Что тебе нужно от меня да еще так срочно?

– Смотри.

Она чуть отодвинулась, и Гай увидел, что среди спящих лежит труп. Хейта, торжествуя, перевернула покойника лицом вверх, и Гай узнал Мельгоса.

– Видишь? – сказала Хейта. – Это их капитан. По одежде понятно и по лицу. Я видала, как он распоряжался: «Вы – сюда, вы – туда, отсюда – стрелять, тут поджигать»…

– Это ты притащила его сюда? – спросил Гай удивленно.

Хейта с торжеством кивнула, и Гай подивился ее немалой силе: Мельгос был человеком довольно крупным. К тому же Хейта принесла его вместе с его оружием и кирасой.

– Скажи мне, девочка, зачем ты приволокла на себе тяжеленного покойника прямо в комнату, где спит полным полно народу? – осведомился Гай как можно мягче. – Дорогая моя, здесь ведь и без того дышать нечем!

– Я твоя дорогая? – быстро спросила Хейта.

– Вообще-то это было вежливое обращение мужчины к девочке, – сказал Гай. – Но в нашем с тобой случае я действительно считаю тебя весьма дорогой.

Хейта подозрительно надула губы.

– В каком смысле? В смысле цены?

– В том смысле, что ты хорошая, Хейта.

– А! – Она просияла. – Ну, я так и думала. Помнишь, ты мне сказал насчет пращи?

– Насчет пращи?

– Если я убью их командира, ты сделаешь меня своей любовницей.

Гай нахмурился: он и впрямь брякнул что-то в таком роде. Вероятно, счел фразу красивой и подходящей моменту.

– Это их командир, и он мертв, – сказала Хейта.

– Многие после этой ночи мертвы, – заметил Гай.

– Гляди внимательнее. – Хейта подняла лампу с пола и поднесла к телу. Она посветила на лицо Мельгоса, и Гай увидел, что висок Мельгоса проломлен.

– Ты уверена, что это не удар от дубины?

– Нет, – сказала она. – И ты тоже будешь уверен, когда рассмотришь повнимательнее. Это от камня из моей пращи. Я тебе нарочно его оставляю, чтоб без сомнений. Ну так что?

Гай взял ее за руку, слабо сжал горячие пальчики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.